

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
КУЛЬТУРНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

ИРАН: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ответственные редакторы: *Н. М. Мамедова*
Мехди Санаи

Научное издание

ИРАН: ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Материалы конференции
(Москва, апрель 2001 г.)

Ответственные редакторы:
Н. М. Мамедова, Мехди Санаи

И 77 Иран: диалог цивилизаций. Материалы конференции. — М.: Муравей, 2003. — 112 с.

В апреле 2001 г. в Институте востоковедения была проведена научная конференция «Иран: диалог цивилизаций», которая вызвала огромный научный и практический интерес. Главными темами конференции явились: сущность концепции «диалога цивилизаций», оценка ее реализации в современном мире, отношение к этой концепции в самом Иране. Доклады, прочитанные на этой конференции, составили основу содержания данного сборника.

Издательский Дом «Муравей»
ЛР ИД №04746 от 15.05.01

Сдано в набор 17.08.2002. Подписано в печать 15.12.2002
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Гарнитура «Times».
Уч.-изд. л. 5,8. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 167

Отпечатано в Орехово-Зуевской типографии
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Дзержинского, д. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Сейед Садег Харрази</i> Диалог цивилизаций: необходимость современного мира	5
<i>Мехди Санаи</i> Диалог цивилизаций и исламский фактор.....	10
<i>Н. М. Мамедова</i> Политико-экономический аспект диалога цивилизаций	15
<i>В. П. Цуканов</i> О некоторых экономических аспектах диалога цивилизаций	26
<i>С. Б. Дружилловский</i> Мировое сообщество и новая внешнеполитическая концепция Ирана.....	36
<i>Л. М. Кулагина</i> Россия и Иран в 90-е годы: итоги и перспективы сотрудничества	43
<i>М. Р. Арунова</i> Россия — Иран: продолжение диалога (2000—2001 гг.)	53
<i>В. И. Сажин</i> Диалог цивилизаций: Россия — Иран	62
<i>Е. В. Дунаева</i> Каспийская дипломатия Москвы	66
<i>А. М. Вартамян</i> Диалог цивилизаций как средство борьбы с терроризмом	78
<i>В. Б. Кляшторина</i> Иранская концепция диалога культур: научный и политический аспект	82
<i>М. С. Каменева</i> Ирано-индийский языковой диалог	86
<i>С. Э. Талыбова</i> Сохранение традиций в персидском языке	90
<i>Л. М. Раванди-Фадаи</i> Ассамблея борющегося духовенства и концепция «диалога цивилизаций»	103
<i>А. З. Арабаджян</i> Важность изучения Ирана в России для Исламской Республики Иран	108
<i>Contents</i>	111
<i>Summary</i>	112

ПРЕДИСЛОВИЕ

Организация Объединенных Наций 2001 год объявила годом диалога цивилизаций. Одним из инициатором этого был президент Ирана Мохаммад Хатами, с именем которого связывается «иранская перестройка». Именно Хатами в своей инаугурационной речи при первом избрании на пост президента в 1997 г. сказал, что диалог между цивилизациями является необходимым условием существования в современном мире. Победа Хатами на президентских выборах 2001 г. отразила настроенность большинства иранского населения на продолжение идущих в стране реформ, на создание правового гражданского общества, на повышение его толерантности, на взаимоотношения с мировым сообществом в духе диалога цивилизаций.

В апреле 2001 г. в Институте востоковедения была проведена научная конференция «Иран: диалог цивилизаций», которая вызвала огромный научный и практический интерес. Главными темами, которые были подняты на этой конференции, явились: сущность концепции «диалога цивилизаций», оценка ее реализации в современном мире, отношение к этой концепции в самом Иране. Особое внимание было уделено месту концепции в реальной политике Исламской Республики Иран — экономической, внутренней, культурной, внешней, в первую очередь в отношениях с Россией.

Были высказаны различные взгляды на причины появления концепции и степени ее имманентности существующей в Иране системе власти, которые подкреплялись как анализом современного состояния иранской жизни, так и примерами исторического прошлого. Очень полно и убедительно проанализирована эволюция позиций различных политических групп по проблемам взаимосвязей Ирана с мировым сообществом, соотношению в этом процессе внешних и внутренних факторов, а также религиозных и культурных аспектов в развитии Ирана. Доклады, прочитанные на этой конференции, составили основу содержания данного сборника.

События 11 сентября в США стали своеобразной проверкой верности как высказанных в докладах мнений относительно концепции «диалога цивилизаций», так и курса правящих кругов Ирана проводимой на основе его новой парадигмы связей с мировым сообществом на основе всестороннего диалога.

Статьи публикуются преимущественно в авторской редакции. Некоторые суждения и взгляды авторов не соответствуют официальным и могут не разделяться ответственными редакторами сборника, но представляются интересными и полезными для официальных и практических кругов России и Ирана.

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке Культурного представительства при Посольстве Исламской Республики Иран в Москве.

ВЫСТУПЛЕНИЕ
г-на СЕЙЕДА САДЕГА ХАРРАЗИ,
зам. министра иностранных дел ИРИ

**Диалог цивилизаций:
Необходимость современного мира**

Во имя Бога Милостивого и Милосердного!
Уважаемые ученые, дамы и господа!

В начале считаю своим долгом выразить благодарность тем благомыслящим и мудрым людям, которые предоставили нам возможность собраться вместе и поговорить о диалоге цивилизаций. И лично я, используя эту возможность, учитывая террористический акт 11 сентября и его последствия, хочу сказать о диалоге цивилизаций как о необходимости современного мира.

Нет сомнения в том, что террористические взрывы 11 сентября в Америке и начало военной операции в Афганистане будут сопровождаться обширными внутренними, политическими, военными, экологическими последствиями и последствиями, касающимися вопросов безопасности. И на конкретный период вызовут коренные изменения во многих аспектах международных отношений.

Отныне арене мы являемся свидетелями образования на мировой новых международных коалиций и новых группировок. Противостояние времен «холодной войны» уступает место противостоянию новым международным объединениям. Международные организации, особенно Организация Объединенных Наций, будут играть новую и более эффективную роль. Американское давление в плане расширения НАТО на Восток тоже приобретает большую силу. Стремление к единоличному лидерству в поведении США больше бросается в глаза, чем в прошлом, несмотря на то что для своих целей, хотя бы для политико-рекламных лозунгов, пользуются термином «действие со стороны мирового сообщества».

В дополнение, в последние несколько месяцев мы были свидетелями очень серьезных и глобальных изменений во внутренней политике западного мира и, особенно, США в отношении мусульман-эмигрантов. Эти, не имеющие аналога после Второй мировой

войны, изменения являются показателем того, что смысл терпимости, о которой Запад говорил как о ценности, принадлежавшей сугубо западному миру, теперь, как минимум в поведении с мусульманскими переселенцами и лицами с восточной внешностью, откладывается Западом в долгий исторический ящик. На самом деле отношения Запада и исламского мира так же претерпевают большие изменения. С ростом антиамериканских настроений в исламском мире, особенно на Среднем Востоке, одновременно и на Западе возросли антиисламские взгляды. Некоторые, желая или не желая этого, предлагают новые аргументы для доказательства взгляда о «конфликте цивилизаций Хантингтона» и пытаются представить взаимоотношения и контакт западной и исламской цивилизаций как враждебные.

В действительности, события 11 сентября в Нью Йорке и Вашингтоне на несколько недель заставили Запад жить идеей о том, что «разрыв между исламом и Западом активировался в Америке». Даже некоторые известные личности очень ловко, созвучно некоторым западным вещательным службам, подливали масло в огонь. Премьер министр Италии назвал западную цивилизацию более достойной, чем исламская, и определил последнюю как несостоятельную в состязании с западной цивилизацией. Мусульмане во всей Европе и Америке подверглись унижению и избиениям, были подожжены мечети; острота антиисламских настроений достигла такой степени, что в некоторых западных городах, особенно в Америке, женщины-мусульманки подверглись преследованиям только лишь за вид мусульманской женской одежды, и, к сожалению, подобные нападки привели и к человеческим жертвам. В общем, был разгул откровенной враждебности, а терпимость уступила свое место жестокости.

Конечно, разум победил эмоции быстрее, чем ожидалось, и западные политики приступили к исправлению ошибочного подхода, который вел к разжиганию широкомасштабной войны, и в некоторой степени смогли успокоить взрывоопасную обстановку. Они назвали ислам ценной значимой цивилизацией, признали террористический акт несовместимым с духом и характером мусульман и призвали народы своих стран уметь отличать ислам истинный от исламских лозунгов, которыми прикрывают свое поведение огдельные лица.

Одновременно взрывы 11 сентября пробудили и лидеров Запада, они поняли, что конфликт между исламским и Западным миром

никому не может пойти на пользу и необходимо противостоять ему.

Кстати, статья Хантингтона под названием «Эпоха войн мусульман», напечатанная в газете «Ньюзвик», в первом номере от нынешнего года, отражает именно эту тему. Сделав правильный вывод из последствий острого конфликта, который в течение нескольких часов потряс Запад изнутри, Хантингтон отметил, что продолжение и усиление враждебности между цивилизациями отрицательно сказываются на всем мире в целом. И в очередной раз руководители Запада предлагают найти корень этой враждебности, а западные умы предлагают миру ислама и Запада сесть за стол переговоров.

Уважаемые присутствующие!

Разве в нынешнем мире существует другой путь для противостояния конфликту цивилизаций, в плане исторической важности и стратегического выбора, кроме распространения диалога цивилизаций? Думается, что сегодня мир вынужден сесть за стол переговоров. Это не произвольный выбор, это необходимость. Может быть, поэтому проект диалога цивилизаций заслужил одобрение мирового сообщества, и Организация Объединенных Наций (ООН) провела большую работу по распространению и осуществлению ее идей. В действительности то, что Президент ИРИ господин Мохаммад Хатами назвал «диалогом цивилизаций» и о чем в ходе последнего кризиса упомянул как об «объединении за мир» взамен «объединения за войну», как никогда прежде свидетельствует о своей актуальности.

Сегодня вопрос о диалоге цивилизаций опирается на несколько факторов.

Отношения в мире технологий находятся в постоянном изменении; минимализация временных интервалов в межчеловеческих отношениях обусловила готовность к культурным связям и обмену и уменьшение пространственных интервалов. Очевидно, что подобные тенденции привели к образованию мировой системы, более чувствительной к общепланетарным изменениям, которая для нормальной жизнедеятельности нуждается в тесном международном сотрудничестве. Несомненно, распределение обязанностей в мировом сообществе гарантируется большим знанием народов друг о друге и приверженностью к диалогу цивилизаций.

Главный объективный критерий необходимости диалога цивилизаций следует искать в решимости мирового сообщества

преодолеть несчастья и катастрофы XX века и все происходящее в начале нынешнего века, опираясь на мировое сотрудничество. Две предыдущие мировые войны были сдержаны мировыми международными силами, но взамен человечеству были навязаны необузданные капиталовложения империалистических кругов, «холодная война» и загрязнение окружающей среды. И современному миру стали угрожать еще большие опасности. Выход из этого положения представляется возможным лишь тогда, когда различные цивилизации выйдут из состояния демонстрации сил и выберут диалог вместо конфликта как общеприемлемое правило взаимоотношений.

Существует несколько факторов, усиливающих решимость к диалогу в мире и убеждающих нас в необходимости распространения подобной решимости. Глобализация, изменение общественного взгляда от классового строя к структурному, плюрализм, укрепление веры в себя народов, изгнанных на периферию, изменения в религиозных верованиях, формирование потребности к толерантности, стремление к миру и сотрудничеству — все вместе является условием того, что диалог между цивилизациями из прекрасной мечты превращается в руководство к действию для строителей будущего.

Конечно, диалог в его правильном понимании необходим лишь тогда, когда каждая сторона с самого начала поймет, что и у другой есть чему поучиться. Диалог цивилизаций может реализоваться, если каждый будет твердо убежден в том, что существование другой стороны — это как раз то, в чем он сам нуждается для достижения человеческого совершенства. Формирование человеческого мышления достигается не путем монолога, а посредством диалога. Этот диалог, по словам М. Бахтина, знаменитого русского литературоведа, охватывает все уровни. Бахтин считает диалог пределом свободного стремления человечества. Его реализация достигается отрицанием духа превосходства, монополизации, а также отрицанием эгоизма. Михаил Бахтин, написавший свои исследования в духе диалога, убежден в том, что диалог лежит в основе сущности самого человека и является единственным способом самовыражения человечества. Сама жизнь человека в сущности своей есть живой диалог, процесс участия в диалоге в том смысле, что она спрашивает, отвечает, соглашается или возражает.

В диалоге участвует все естество человека: дух, язык, руки, все в целом. Следует иметь в виду, что отношения, основанные

на диалоге, не всегда легко удаются, ибо его реализация — длительный процесс. Диалог подразумевает также обмен мнениями об отношениях и милосердии. Там, где речь идет о милосердии, в действительности, подразумевается уважение к другому. Ибо только путем признания других, можно обрести собственное «Я». По словам Бахтина, количество и эффективность диалога во многом зависит от взаимоотношений между собственным «я» и личностями других.

Дамы и господа!

На данный момент мы находимся в состоянии, когда мировое сообщество для решения своих насущных проблем не имеет иного пути для регулирования международных отношений, кроме диалога цивилизаций. Мировое соглашение, достигнутое на Генеральной Ассамблее ООН в 2001 году, о признании необходимости и важности диалога цивилизаций, предотвращении применения силы, о развитии взаимоотношений на международной основе является в действительности одним из важных приобретений сегодняшнего мира, чему должно дать соответствующую оценку. Прогрессивный взгляд на процесс глобализации показывает, что существует два его образца — глобализация сверху, которая в основном идет на пользу «Севера», и глобализация снизу, демократическая природа которой основывается на придании человеческого лица и мягкости этому сложному и длительному процессу и в состоянии способствовать мировому сообществу достичь приемлемых путей решения вопроса.

Большое спасибо за внимание!

Мехди САНАИ

*Руководитель Культурного
представительства при Посольстве
Исламской Республики Иран в Москве*

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР

Человечество все более четко осознает, что цивилизации современного мира способны, должны и могут сосуществовать, сотрудничать и, по возможности, дополнять и совершенствовать друг друга. Исходя из этого, а также из реального положения миропорядка, связанного в первую очередь с современным уровнем научно-технического прогресса, можно прийти к выводу о признании необходимости все более укреплять связи и отношения между различными культурами и, соответственно, между различными цивилизациями.

Инициативы Президента Исламской Республики Иран господина Хатами относительно идеи диалога цивилизаций в качестве главного фактора во взаимоотношениях мирового порядка связаны с глубоким осознанием этой необходимости. «Диалог цивилизаций,— отмечает он,— это стимул для формирования универсальной модели оздоровления международных отношений, чтобы исключить односторонние подходы и монолог в политике и культуре».

При этом следует учитывать, что цивилизация как социальная система не должна пониматься как механическая сумма составляющих элементов (стран, народов или регионов), а должна быть рассмотрена с учетом приобретенного ею нового системного качества в процессе «интегрального эффекта». Например, для мусульманской цивилизации таким «интегральным эффектом» выступило Божье Слово. Действительно, «исламская цивилизация — одна из немногих цивилизаций, которая возникла и получила распространение на основе одного священного текста — Священного Корана»¹.

Здесь следует отметить, что составляющими элементами системы исламской цивилизации являлись народы и страны, которые

Хатами М. Выступление на заседании ООН, посвященное диалогу цивилизаций. М., 2001. С. 54.

до ниспослания Священного Корана резко отличались друг от друга по этническим, социально-экономическим, географическим признакам и находились на различных уровнях культурного развития. И именно следование божественному призыву послужило мощным интегрирующим фактором, позволившим сформироваться исламской цивилизации.

Но вместе с тем все системообразующие компоненты исламской цивилизации, т.е. мусульманские народы, сохраняют и свои культурные особенности, каждая из которых по-своему попитывает и обогащает исламскую цивилизацию: «Именно в этом заключается тайна разнообразия и обилие достижений исламской культуры и цивилизации: единое Слово Божье породило множество различных толкований и разнообразие форм выражения»².

Лаконичными и весьма важными тезисами, выдвинутыми в качестве магистральных путей осуществления диалога различных, и в частности, исламской и западной (часто подразделяемой политологами и социологами на европейскую и североамериканскую) цивилизаций, являются умение «говорить», «слушать» и «понимать».

С этой позиции каждый индивид человеческого общества как личность, подразумевая как общие черты, так и своеобразие каждой культуры, носителем которой он является, приходит к такому выводу: «В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада, и отрицание этих двух составляющих частей существа человека сделало наше понимание его сути неполноценным и недостаточным»³

Данное положение в исламе исходит из учения Священного Корана, в котором всем представителям монотеистических религий (мусульманам, христианам, иудеям и сабеитам, зороастрийцам и т.д.) обещаются всякие блага⁴ и предписывается толерантность и умение слушать друг друга⁵

В этом процессе важным средством считают изучение наук, недаром первый аят, ниспосланный Пророку ислама, начинался словами «читай» (Сура 96, аят 1). Следуя ему, Пророк ислама придавал важное значение науке и наставлял всем своим последователям быть в поисках науки. Естественно, что это один из самых надежных способов межцивилизационных связей и диало-

Зеленая память. Букет цветов из «Нахдж-уль-балага» Повелителя правоверных Имама Али. М., 2001. С. 14.

Хатами М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М., 2001 С. 61 Там же. С. 44.

Там же. С. 47

га. Ибо ислам в вопросах освоения научных и культурных ценностей никаких границ не признает.

Итак, ценным требованием исламского учения является толерантность, которая предписывается всем членам исламской уммы. Например, Али ибн Абуталеп в своем письме египетскому наместнику Малеку Аштару писал: «Доброту по отношению ко всем поданным (независимо от религиозной принадлежности. — М.С.) и дружбу с ними считай одеянием своего сердца... Ибо есть только две группы поданных: твои братья по религии и подобные тебе по творению»⁶.

В другом случае он, говоря о значимости высказываемых мнений независимо от высказывающего, отмечает: «Не смотри, кто говорит, а смотри, что говорят». То есть приемлемыми и почитаемыми должны быть сами идеи и культурные ценности, служащие интересам человечества, а не то, из каких уст и с каких позиций они звучат.

Важным проявлением длившегося веками диалога Востока и Запада в области культуры был Ренессанс. Вопреки мнениям некоторых идеологов и историков, Ренессанс нельзя рассматривать как механическое возрождение в Европе античной культуры. Хотя бы по той простой причине, что прежде чем как возродиться в Европе, античная культура (главным образом, философия) возрождалась и совершенствовалась на Востоке, и в основном в мусульманском мире. Античная философия как совокупность различных гуманитарных и, в целом, мировоззренческо-этических наук, была переосмыслена, систематизирована и обогащена учеными мусульманского мира, такими как Аль-Фараби, Авиценна, Ибн Рушд и другими, и использована в последующие века европейскими учеными.

Исламскими учеными были разработаны и введены целые направления новых для средневековой эпохи научных дисциплин, таких как алгебра (ал-Харезми), химия (ал-Джабер, известный в Европе как ал-Габер), систематизированная медицина (Авиценна) и т. д. Большое влияние на развитие европейской литературы оказали Фирдоуси, Омар Хайям, Хафиз и другие представители мусульманской литературы.

Итак, эпоха европейского Ренессанса своим началом во многом обязана трудам восточных и, в первую очередь, мусульманских ученых. Это была эпоха бурного и весьма плодотворного обмена научными, этическими и эстетическими ценностями.

Примечательно, что, вопреки утверждениям многих исследователей этой эпохи, Ренессанс был не периодом отхода от религиозных ценностей, а «миру предстал другой образ религиозного человека, открытый Ренессансом»⁷ Взаимная открытость мира и человека — основная идея Возрождения, что само по себе исполнено религиозного значения. Ибо Возрождение было направлено на укрепление, очищение и распространение религии, но отнюдь не против нее.

Президент Хатами предлагает диалог между цивилизациями для правильного, гуманного и практического решения многих глобальных проблем современности, таких как кризис в семье, кризис в вопросах экологии, кризис этического характера в связи с некоторыми научными исследованиями, кризис в международных политических отношениях и так далее.

Кроме того можно выделить два пути осуществления диалога цивилизаций:

1. Взаимовлияние цивилизаций на протяжении длительного времени. Этот процесс обусловлен естественным ходом развития событий, географическими или историческими причинами, и от чьего-либо выбора или воли не зависит. Подобное взаимовлияние веками осуществлялось, например, между иранцами и греками в античные времена, а позднее между Европой и Азией по Великому шелковому пути и т.д.
2. Диалог цивилизаций и культур посредством диалога между их представителями. Такая форма диалога — это осознанная и целенаправленная деятельность, не обусловленная историческими или географическими факторами⁸

Указывая на все возрастающее значение полноценного и всеохватывающего диалога культур и цивилизаций, вместе с тем отрицают ведение подобного диалога с позиции силы, навязывание секуляризма, давления и устрашения.

Диалог культур предполагает многополюсный мир и отрицает планетарные изменения в сторону глобализации, направленной на создание более обширных рынков сбыта и поглощение национальных культур одной господствующей культурой.

Диалог цивилизаций, как единственно возможный, но одновременно сложный и необходимый рычаг сохранения мира и стабильности на планете, — это стимул для формирования универ-

⁷ Хатами М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М. 2001. С. 44.

Там же. С. 47

сальной модели оздоровления международных отношений, не допускающий односторонних подходов и монолога в политике, религии и культуре, позволяющий общественному мнению подвергать осуждению всякого рода силовые методы разрешения межнациональных и международных конфликтов и разногласий.

В этом плане коренного изменения требуют многие аспекты международного права. Ибо они приняты в предыдущие десятилетия, преимущественно с учетом интересов западных политиков и западных общественных кругов, без должного отражения интересов восточных, и в частности, мусульманских стран.

Тенденция к глобализации должна предполагать многополюсность современного мира и учитывать рождение новой морали, нового коллективного права на основе международных институтов и законов, укрепление суверенитета и народовластия всех государств, повышение их ответственности по международным вопросам. Для этого необходимо, чтобы все компоненты международной системы (государства и гражданские институты) могли активно и равноправно участвовать как в выработке, так и в принятии решений международного характера.

На наш взгляд, события 11 сентября не только не могут быть опровержением доктрины диалога цивилизаций, но, напротив, являются убедительным аргументом в пользу того, что человечество для решения накопившихся проблем все больше нуждается в конструктивном и постоянном диалоге существующих в мире цивилизаций. Естественно, осуждая всякие проявления терроризма, следует отметить, что для предотвращения подобных катастроф необходимо большее участие на международной арене и большее взаимное познание различных религий, культур и цивилизаций Запада и Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленая память. Букет цветов из «Нахдж-уль-балага» Повелителя правоверных Имама Али. М., 2001.
2. Хатами М. Выступление на заседании ООН, посвященное диалогу цивилизаций. М., 2001.
3. Хатами М. Выступление на «Саммите тысячелетий» в ООН (06.09.2000), М., 2001.
4. Хатами М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. Выступление во Флорентийском университете (08.05.1999). М., 2001.
5. Санаи М. Социально-политические проблемы взаимоотношений Ирана со странами Центральной Азии. Политологический анализ. ИСПИ РАН. М., 2001.
6. Зарринкуб А. Летопись ислама. Тегеран, 1996. С. 121.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Вполне оправдано, что при анализе концепции диалога цивилизаций приводятся те высказывания Мохаммада Хатами, в которых он объясняет содержание своей концепции. Представляется необходимым привести две цитаты, имеющие непосредственное отношение к теме данной статьи. Первая: «Ни одна великая культура, ни одна великая цивилизация не создавались в изоляции, самостоятельно, в отрыве от других культур. Лишь те культуры и цивилизации смогли выжить и развиваться, которые способны «обмениваться с другими цивилизациями своими достижениями, обладают умением «говорить» и «слушать»¹.

И вторая, которая, на наш взгляд, дает очень четкое представление о взглядах на иранскую цивилизацию и ее взаимосвязях с другими цивилизациями: «Мы, совершив революцию и претендуя на создание исламского строя на ее основе, в том случае можем считать свою революцию началом новой цивилизации, если имеем способность и достоинство приобрести положительные элементы западной цивилизации, а также необходимую чуткость отличить ее недостойные элементы и избежать их...». Как видим, акцент ставится не на том, что Иран является составной частью исламской цивилизации, а на том, что иранская модель развития, начавшаяся с провозглашения исламской республики, может стать началом новой цивилизации. Хатами допускает такую возможность априори, но в отличие от своих клерикальных оппонентов считает, что эта цель может быть реализована не в условиях автаркии и противостояния Западу, а во взаимодействии с ним. И дальше, как бы заранее предотвращая возможность обвинения в измене политической линии Хомейни в отношениях с «большим сатаной» и его союзниками, он говорит: «Ясно, что это вовсе не политический подход. И если кто-либо не в состоянии увидеть отличия между этой задачей и политической, то он действует наперекор идеалам исламской революции и народа, даже если их побуждают добрые

¹ Выступление М. Хатами на ежегодной сессии ЮНЕСКО. Париж, 29 октября 1999 г.

намерения»². Заявления очень значимые и даже знаковые, и продиктованы они, на наш взгляд, в первую очередь политическими и экономическими целями и задачами.

Именно эти «добрые намерения» привели Иран в первые годы после революции к резкому ограничению связей с наиболее развитыми странами мира как средству ослабления зависимости от Запада, зависимости и экономической и политической. Экономика страны стала стремительно приобретать характер закрытой экономики, государственное регулирование и протекционизм стали явно преобладать над либерализмом во внешнеэкономических связях. Таких стран в мире очень немного, и экономически развиваться в таком режиме чрезвычайно сложно. Как показал мировой опыт, существует очень высокая корреляция между уровнем внешнеэкономического либерализма и темпами экономического роста. Расчеты Гарвардского университета по 117 странам мира показали, что там, где за последнюю четверть века проводилась политика закрытой экономики, среднегодовой прирост ВВП в расчете на душу населения составил 0,7%, а в условиях политики открытой экономики — в 5 раз выше³

Объективная потребность в ускорении экономического развития заставила и иранские правящие круги приступить к изменению своей экономической политики. Период экономической либерализации пришелся на время пребывания на посту президента Али Акбара Рафсанджани. Экономическая либерализация включала в себя в качестве одного из элементов использование иностранного капитала, либерализацию внешнеэкономических связей.

Иран стал выходить из кризиса, восстанавливая, в том числе и с помощью Запада, разрушенные во время восьмилетней войны с Ираком объекты. Запад стал возобновлять прерванные революцией связи, ожидая от руководства Ирана не только экономической, но и политической либерализации. Но этого не произошло, хотя тенденции стали явно просматриваться, особенно в области образования, спорта.

Экономические либеральные реформы протекали в обстановке ожесточенной политической борьбы, особенно связанной с внешнеполитическим курсом. Собственно говоря, Рафсанджани удалось получить «добро» от радикального духовенства на проведение реформ не только из-за необходимости избежать экономического

² Хатами М. Страх перед бурей. С. 119.

См.: Ломакин В. К. Мировая экономика. М., 2001. С. 107

краха, но еще и потому, что после распада СССР он буквально перехватил у всех стран инициативу по вовлечению в зону своего влияния новых государств Центральной Азии и Кавказа. Но уже второй срок его пребывания на посту президента показал, что, несмотря на ускорение экономического развития, значительного прорыва в поднятии экономического потенциала достичь не удалось. Исламская модель государственного устройства, не сумевшая и в мирное время доказать свои социальные и экономические преимущества, стала терять и свою идеологическую привлекательность. В частности, особенно наглядно это проявилось в отношениях с новыми государствами СНГ (с мусульманским населением). Стало совершенно очевидным, что динамичность иранской экономики, которая сложилась к настоящему времени, зависит, главным образом, от связей с мировым рынком. И не только от условий экспорта иранской нефти, но не в меньшей степени от импортных поставок необходимых для промышленности компонентов и притока иностранных инвестиций. А для их привлечения необходим благоприятный политический и экономический климат, включая «игру» по тем правилам, которые устанавливают США и другие развитые страны. Уже с середины 90-х годов, когда США ввели эмбарго на торговлю с Ираном, а затем и санкции по закону Дамато (из-за поддержки Ираном исламских организаций, борющихся за создание Палестинского государства), связи с Ираном были ограничены, а внешний долг Ирана превысил 20 млрд. долларов, начались сбои в экономическом развитии. Попытки ввести в 1992 г. единый курс доллара в условиях переходной экономики привел к дезорганизации валютного рынка. Страна вновь вернулась к политике поддержания разных валютных курсов, ускорились инфляционные процессы. Достаточно привести только две обобщающие цифры: дефлятор ВВП в 1980—1990 гг. составлял 14,4%, а в 1990—1999 гг. — вырос почти в два раза — до 26,7%⁴.

В 1997 г. от исхода президентских выборов зависело многое, а главное — продолжение реформирования общества или откат от них. Мохаммад Хатами, выступивший с идеей построения гражданского общества, расширения политических свобод, безусловно, войдет в историю как реформатор. В отличие от Акбара Рафсанджани, который для проведения реформ апеллировал к экономической необходимости, Хатами избирает путь религиозно-философского обоснования необходимости реформирования общества.

⁴ World Development Report 2000/2001. P. 294.

Именно так и можно оценивать его концепцию «диалога цивилизаций», которая должна убедить, и не только Запад, в изменении внешнеполитической концепции Ирана, в отходе от конфронтации с Западом, трансформации содержания тезиса «экспорта революции» с точки зрения замены его политического содержания культурным. Не менее важным для президента-реформатора является необходимость убедить все противоборствующие стороны религиозного руководства Ирана в исторической необходимости эволюции иранского общества.

Поэтому хотелось бы обратить внимание на то, что концепция Хатами основывается на цикличности истории цивилизаций, открывающая перспективу для тех цивилизаций, которые в какой-то исторический период отстали от других. Общеизвестно, что еще в XI веке уровень развития в странах Востока (и в исламских странах) был в 1,5—2 раза выше, чем в Западной Европе. Паритет в уровнях душевого ВВП Запада и Востока был, вероятно, достигнут во второй половине XVI века. Считается, что Запад стал обгонять Восток после 1671 г., когда Венеция разбила османов в битве при Лепанто⁵.

Разрыв в уровне социально-экономического развития между Европой и развивающимися странами (в ВВП/ВНП на душу населения по ППС) даже в 1750 г. фактически отсутствовал, но уже в 1860 г. составлял 2 раза, в 1950 г. — 5,8 раз, а в 1996 г. — 6,6 раз⁶.

В 1999 г. среднемировое производство ВВП на душу населения составило по ППС 6490 долларов, в странах-лидерах — 24430 долларов, в Иране — 5163 доллара⁷

Хатами часто останавливается на эпохе Ренессанса и мотивации ускоренного развития Запада и как бы выстраивает логическую цепь: если Запад смог переломить тенденцию и вырваться вперед, совершив промышленную революцию, то в новый, постиндустриальный период мирового развития также возможны глобальные изменения, так как действуют уже другие мотивации развития. И нельзя не сказать о том, что с этой точки зрения философия концепции Хатами весьма сопоставима с концепцией развития постиндустриального общества, в которое мир вошел в конце XX века. Вспомним, что важнейшими чертами постиндустриальной экономики являются:

⁵ Ломакин В. К. Указ. соч. С. 34.

⁶ Там же. С. 85.

World Development Report 2000/2001. P. 275.

— гуманизация (социализация) экономики (средства вкладываются в главные для постиндустриальной экономики ресурсы — в знания и в человека),

— возрастание доли услуг в структуре потребления и производства,

— рост уровня образования и новое отношение к труду (трудова демократия, в том числе через соучастие в акциях, в управлении),

— повышенное внимание к окружающей среде,

— информатизация общества,

— растущий интерес к малому бизнесу не только из-за возможности занятости населения, но и из-за его потенциальных возможностей насыщения рынка (ослабевает потребность в стандартизированной массовой продукции, что характерно для индустриального общества),

— глобализация (мировое хозяйство становится единым комплексом)⁸.

Эти новые явления, а главное, повышенное внимание не к капиталу в виде денег и машин, а к человеческому фактору, которое всегда трактовалось как отличительная, по сравнению с западной цивилизацией, особенность исламских концепций, вполне могут стать одной из базовых тем межцивилизационного диалога.

Объективно оценивая сегодняшнее положение Ирана и его место в мире, Хатами и его сторонники считают необходимым, чтобы Иран взял от Запада (вспомним приведенную в начале цитату) то, что ему необходимо. Они напрямую связывают возможность цивилизационного развития Ирана в условиях сохранения исламской по форме власти с необходимостью усвоения положительного опыта Запада. Но готов ли к этому Запад? И готов ли сам Иран, испытывающий сейчас немалые экономические и законодательные трудности?

Правительство Хатами не отказалось от продолжения экономических реформ, но увеличение степени открытости экономики идет с трудом, а ведь это одна из основ экономического диалога. Правда, повышение цен на нефть в последние полтора года позволило справиться с кризисом 1998—1999 гг. Медленно, трудно, в результате действительно ожесточенной борьбы, но продолжает модернизироваться правовая база. Уже реальностью стала воз-

⁸ Ломакин В. К. Указ. соч. С. 76—80.

возможность участия частного капитала в нефтегазовой отрасли, а совсем недавно, в начале 2001 г. — и в банковской сфере.

Демократизация политической жизни также сталкивается с большими трудностями. Иранское духовенство и, конечно, радикальная его часть, а к ним мы относим приверженцев построения закрытого общества, сторонников воззрений Хомейни первых послереволюционных лет, ясно отдает себе отчет в том, что философия концепции Хатами — это не просто философия, а обоснование необходимости реформирования всей политики режима. Поэтому в преддверии президентских выборов 2001 г. и была продемонстрирована сила радикального крыла. Наблюдательный Совет издал ряд рекомендаций, направленных на ограничение свободных политических дискуссий. Было закрыто свыше 37 периодических изданий, арестован ряд журналистов, политических деятелей, для разгона студенческих и молодежных митингов и собраний использовались военные силы. Более 70 человек, тесно связанных с партией ДСИ (Движение за свободу Ирана), были арестованы и некоторые осуждены по обвинению в действиях «по свержению исламской республики», а деятельность самой партии запрещена. Под давлением консервативно настроенных религиозных деятелей в отставку ушли такие члены правительства и соратники Хатами, как Абдулла Нури (был даже арестован) и Атаулла Мохаджерани. Буквально накануне выборов в марте—апреле 2001 г. были арестованы и осуждены зам.министра внутренних дел Мостафа Таджаде, бывший руководитель МВД Хашем Сабакян, бывший мэр Тегерана Мохаммад Тавазоли, племянник Мехди Базаргана Абольфазл Базарган.

Конечно, не мог не возникнуть вопрос о проблематичности возможностей влияния Хатами на внутривнутриполитическую жизнь иранского общества и на практическую реализацию его концепции «диалога цивилизаций», которая в мире была расценена как приглашение к сотрудничеству с Ираном. Как бы отражением этой неопределенности отношений мирового сообщества и Ирана являлся чрезвычайно низкий уровень чистого притока прямых иностранных инвестиций в иранскую экономику. В 1998 г. они составили всего 24 млн. долларов, т. е. примерно на уровне Непала, Монголии, Чада, Таджикистана. Но, с другой стороны, и это — уже прогресс в отношении к Ирану, так как еще в 1990 г. чистый приток прямых иностранных инвестиций в Иран имел отрицательное сальдо в 392 млн. долларов (аналогичная ситуация была только в Анголе).

Самый главный фактор, определяющий возможные тенденции развития Ирана и, следовательно, его взаимоотношений с мировым сообществом, — это то, что в иранском обществе отчетливо доминируют настроения, связанные с объективной потребностью в ускорении экономического развития, в улучшении внутривнутриполитического климата. Иранское общество решительно и практически единодушно настроено на реформы. Хатами с его взглядами в значительной мере и отражает и генерирует эти новые поведенческие импульсы. В связи с этим приведем цитату из выступления Хатами в МГИМО во время его визита в 2001 г. в Россию: «Грань, отделяющая общественно-политическую жизнь от смерти, определяется тем, живы или нет социально-политические вопросы. Если в обществе отсутствует возможность для того, чтобы мыслители, деятели науки, культуры и простые граждане ставили свои вопросы, это общество лишено общественно-политической жизни». Таким образом, по мнению М.Хатами, жизненное общество — это общество с гражданскими свободами.

Победа М.Хатами на президентских выборах 2001 г. отразила настроенность иранского общества на продолжение реформ, на взаимоотношения с мировым сообществом в духе «диалога цивилизаций», на политические реформы, создание правого гражданского общества, повышение его толерантности. Недаром накануне выборов Организация моджахедов исламской революции заявляла, что выборы 8 июня — «это референдум» между «реформами и необратимостью», «консерватизмом и закрытостью». Так как победа Хатами на выборах практически ни у кого не вызывала сомнений, для консерваторов было чрезвычайно важным, чтобы уровень поддержки Хатами не оказался демонстративно высок, чтобы в своем противодействии инициативам президента можно было апеллировать и достаточно высоким уровнем населения, не согласного с ним. Для иранского менталитета чрезвычайно важен не только сам факт избрания или неизбрания, но и соотношение голосов «за» и «против».

Результаты выборов действительно можно считать всеобщим референдумом относительно дальнейших тенденций развития общества. Хатами одержал убедительную победу. На избирательные участки явилось 88% избирателей, которые отдали за него 77% своих голосов. В 1997 г. за него проголосовало 69%, количество поданных за Хатами голосов составило 21,6 млн., в 1997 г. — 20 млн. И это первый случай в истории президентских

выборов Ирана, когда кандидат на второй срок набирает голосов больше, чем при избрании на первый срок. Так было с избравшимися на два срока президентской власти Али Хаменеи и Рафсанджани. Показательно, что в Куме, религиозном центре Ирана, за Хатами проголосовало 55% избирателей, а за его основного соперника на выборах Таваколи — 35%. После формирования нового правительства в конце августа в Иране создалась уникальная ситуация, когда реформаторы составили большинство и в исполнительных структурах власти и в меджлисе. Надежды на ускорение реформ стали возрастать. И эти надежды стали сбываться. Правительство подготовило и направило в меджлис многие из законопроектов, которые демонстрировали стремление к дальнейшей либерализации социальной и экономической жизни. Но уже менее чем через месяц правительство Ирана столкнулось с чрезвычайно острыми проблемами, которые поставил перед ним террористический акт 11 сентября в США. Главным стало определение отношения Ирана к этим событиям как объективная проверка верности концепции «диалога цивилизаций».

Иран одним из первых официально осудил террористические акты 11 сентября и признал необходимость проведения антитеррористической операции в Афганистане. Чрезвычайно важно, что это было сделано не только на уровне президентской власти, фактически олицетворяющей светские элементы иранской государственной власти, но и на религиозном уровне — через заявления высших шиитских улемов. Конечно, нужно учитывать, что антиталибская направленность операции США объективно отвечала интересам Ирана. Иран, как известно, поддерживал антиталибскую коалицию, оказывал ей финансовую и военную помощь, в первую очередь, войскам Исмаил-хана, представляющим интересы шиитского населения. Еще перед началом военных действий Иран дал согласие на размещение гуманитарной помощи, а в ходе операции — на размещение лагерей беженцев на своей территории. Были открыты воздушные коридоры для транспортных самолетов, поставляющих гуманитарные грузы, которые в Герат сопровождалась иранскими группами. Иран надеялся, что эти действия позволят ему сохранить свое влияние на развитие афганского политического процесса.

Очевидная заинтересованность Ирана в ослаблении талибского режима была уравновешена официальным осуждением военной операции как до, так и после начала ее проведения, заявлени-

ями о необходимости проведения антитеррористической акции под эгидой ООН. Иран также не дал согласия на использование своего воздушного пространства и аэродромов для нанесения воздушных ударов США по Афганистану, своей территории для размещения наземных войсковых соединений.

Сам ход операции стал оказывать непосредственное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Иране. Пока не был взят Кабул и продолжался рост антиамериканизма в исламских странах, официальная позиция Ирана, а она всегда озвучивается правительством и президентом, стала использоваться консервативным духовенством для уменьшения влияния сторонников Хатами, особенно в вопросах противостояния исламского мира США как организатору «крестового похода». Вполне прогнозируемым стало, например, заявление главы судебной власти аятоллы Махмуда Хашеми Шахруди о том, что «национальная безопасность достигается борьбой против глобального высокомерия и угнетения во главе с США». Но неожиданными стали разногласия в самом правительстве. Так, через канал «Ал-Джазира» прозвучала критика позиции президента Ирана Мохаммада Хатами военным министром Али Шамхани. Газета «Техран Таймс» от 30 октября писала, что Шамхани назвал линию президента по поводу военных действий США в Афганистане «слишком мягкой» по отношению к «врагу», заявил о целесообразности вернуться к идеям имама Хомейни. Беспорядки, устроенные футбольными болельщиками в Тегеране и ряде других городов в последние две недели, он связал с недовольством официальной политикой правительства. При этом он признал, что целью сдержанной политики Хатами является повышение рейтинга Ирана на Западе. Но эта критика курса Хатами членами его правительства не получила поддержки остальных членов кабинета.

Тем не менее и правительство и меджлис активизировали действия по дальнейшей либерализации общества. Способствовали этому в определенной степени и успехи антиталибской коалиции. Меджлис стал добиваться изменения закона о выборах, которые бы давали возможность уменьшить абсолютную власть Наблюдательного Совета (Guardian Council) при отборе кандидатов в меджлис и в президенты. Новый, более либеральный закон о банковском контроле представил в меджлис глава ЦБ Мохсен Нурбахш. Суд по делам печати снял обвинения с ряда журналистов. Так, 26 ноября 2001 г. были сняты обвинения с главного

редактора «Техран Таймс» Аббаса Салими Намина. Правительство одобрило план приватизации 532 государственных компаний, среди которых предприятия нефтяной промышленности и энергетики. Будут приватизированы 10 нефтеперерабатывающих заводов, все нефтехимические и газовые компании останов. Заявлено и о приватизации Иранской Табачной компании, которая почти столетие находилась в руках государства⁹ Член Комиссии меджлиса по энергетике Ахмад Азими заявил о планах реорганизации Иранской Национальной Нефтяной компании, разделении ее на несколько более оперативных компаний и о том, что эта реорганизация отвечает целям Третьего пятилетнего плана.

Конечно, противостояние консерваторов еще очень сильное. Определенной демонстрацией антиамериканизма стала широко отмеченная в конце ноября «неделя басиджа» (ополчения), парад был проведен у бывшего посольства США. Рафсанджани отметил роль басиджа в укреплении безопасности на восточных (афганских и пакистанских) границах. А Али Шамхани назвал именно басидж «оплотом исламской системы, а его существование необходимым для исламской революции».

Прагматично настроенное крыло правительства Мохаммада Хатами рассчитывает, что сохранение Ираном позитивного нейтралитета может иметь самое важное для него последствие — изменение позиции США и Европы в отношении инвестиционной и торговой политики. Конечно, и Иран и Европа находят обходные пути, достаточно назвать частную нефтяную компанию «Петропарс», зарегистрированную на Виргинских островах (Британия), через которую заключены миллиардные сделки с европейскими компаниями. Во главе ее стоит Бехзад Набави, один из лидеров второй крупнейшей партии, входящей во «Фронт 2-го хордада» (Организация моджахедов исламской революции). Но такие обходные пути дают консерваторам повод для обвинения правительства в коррупции. В конце ноября было достигнуто соглашение между компанией и Министерством экономики и финансов, по которому компания в течение определенного времени будет зарегистрирована в Иране и переведет свои средства на счета иранских банков. Санкции были наложены под предлогом того, что «нефтяные компании» используются Ираном для финансирования пропалестинских террористических организаций. Но они не фи-

нансироваться по официальным, или бюджетным, каналам. Легализация связей с Западом в случае смягчения позиции США объективно в интересах не столько исламского государства, которое может использовать для финансирования религиозные источники, сколько в интересах правительства реформаторов. К тому же антиамериканизм уже перестал быть фактором, который когда-то спланивал нацию, сейчас это, скорее, фактор, разделяющий иранское общество. Если США отменят санкции в отношении Ирана, особенно закон Дамато, это снизит уровень негативной реакции руководства на вполне прогнозируемое усиление американского влияния в Центральной Азии и Закавказье и усилит возможности Ирана в области транспортировки региональных энергоресурсов на мировые рынки. В этом случае Иран укрепит свои геополитические позиции в регионе. А философская концепция «диалога цивилизаций» принесет ему реальные преимущества.

Иран является выгодным экономическим партнером, рынок Ирана достаточно емкий, размер ВВП на душу населения по ППС в 2000 г. составил почти 6 тыс. долларов. Размер внешнего долга в 2000 г. чуть больше 10 млрд. долларов, задолженностей по выплатам долга Иран не имеет. Растущий экономический интерес европейских стран и США к Ирану очевиден, внутренняя политическая ситуация становится все более предсказуемой. России следует учитывать вероятность такого развития событий, и, помимо сохранения уже завоеванных в Иране позиций, Россия вполне могла бы их усилить, став в создавшейся ситуации одним из участников установления и расширения связей Ирана с Западом.

Но ускорение процессов политической и экономической либерализации, расширение связей с Западом и даже возможная переориентация этих связей на Запад, вовсе не будет означать отказа Ирана от модели развития в рамках исламской государственности, слепого следования западным моделям развития. Ведь, как отметил президент Ирана и автор концепции «диалога цивилизаций», помимо необходимости усвоения положительного опыта Запада, органической частью его концепции является также «необходимая чуткость отличить и избежать недостойных элементов западной цивилизации».

О НЕКОТОРЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Экономические вопросы могут показаться слишком нарочитыми и весьма далекими от обсуждаемой проблемы диалога цивилизаций. Однако подобное заключение было бы несколько поспешным. Дело в том, что экономический аспект диалога цивилизаций представляет собой не просто одну из конкретных областей и сфер, где реализуется диалог, но является прежде всего основой, которая создает и в значительной степени определяет саму возможность взаимодействия страны с внешним миром.

Как известно, после революции Иран пережил период обособления от внешнего мира с довольно жестким противопоставлением себя мировому сообществу. Сегодня можно констатировать, что многие признаки экономической и духовной автаркии остались в прошлом, поскольку сама эта автаркия была обусловлена причинами в общем-то преходящего характера. Во-первых, практически все политические силы (от ультралевых до ультраправых), участвовавшие в антишахском движении, были заинтересованы в том, чтобы исключить возможность какого-либо иностранного влияния на развитие внутривнутриполитической борьбы в Иране еще на стадии свержения монархии. Во-вторых, после решения референдума о провозглашении Исламской Республики Иран (ИРИ) и принятия Конституции ИРИ (1989) режим нуждался в политической консолидации и оформлении соответствующих органов власти. Этот процесс, как и предыдущая фаза смены строя в Иране, также требовал известного отгораживания от внешнего мира. Говоря о факторах, обеспечивших протекание антишахского движения в период 70-х — начала 80-х годов, так сказать, на национальной основе, следует упомянуть и официальную позицию правительства СССР по отношению к событиям в Иране. Эта позиция, как известно, фактически упредила всякое вмешательство извне во внутренние дела Ирана. Третья причина, предопределившая и появление, и сохранение автаркических тенденций во внешней политике послереволюционного Ирана, заключалась в том,

что антишахская революция в Иране одновременно стала антиимпериалистической с исламским содержанием.

Иранская революция в своей антиимпериалистической направленности бросила вызов прежде всего США — стране, не привыкшей терять сферы своего влияния, в одну из которых был превращен Иран особенно при последнем иранском шахе. Американским ответом на иранскую революцию стали меры по политической изоляции Ирана и созданию вокруг него экономической блокады. И сегодня США, зачислив Иран в изобретенную ими, но непонятную для мирового сообщества категорию «стран-изгоев», пытаются проводить в отношении Ирана свою прежнюю политику экономического и политического давления. Антиимпериалистическая волна протеста в иранской революции по своим масштабам была народной и в силу этого, несмотря на известные элементы экстремизма, оправданной по тем нормам международного права, которые признают правомочным стремление отдельной страны отстаивать свой государственный суверенитет. Иранская революция пробила основательную брешь в американском посягательстве на экономико-культурную идентичность стран мира, население которых не вошло в так называемый «золотой миллиард», монополюно использующий мировые экономические ресурсы для поддержания своей жизни на суперкомфортном уровне.

Народный характер, антимонархическая и антиимпериалистическая направленность иранской революции у российских иранистов не вызывают разногласий. Предмет дискуссий составляют роль и значение исламского элемента революции, которую совершил иранский народ в 1979 г. Некоторые ирановеды признают иранскую революцию политической и антинеоколониальной¹, но отказывают ей в исламском содержании: мол, теократия — это всего лишь ярлык капиталистических производственных отношений². Для выяснения данного вопроса обратимся к основным положениям формационной теории исторического развития. Формационный подход, как известно, проводит различие между революцией социальной и революцией политической. Согласно теории формаций, результатом социальной революции, которая в отдельной стране может длиться в течении нескольких десятилетий, подразумевается смена формаций, что закрепляется политическим

См. [3]. С. 30.

См. [4]. С. 123, 128.

господством определенного класса, класса-носителя более прогрессивных производственных отношений. Утверждение такого класса в качестве политически господствующего осуществляется, как правило, через целый ряд политических революций, следующих до тех пор, пока государственная власть не окажется под контролем и на службе его экономических интересов. Классический пример становления капиталистической формации являет Франция с чередой буржуазных революций, начиная с 1789-го и завершая 1848 г.

На империалистической стадии капитализма в колониальных странах, а также в странах, попавших в экономическую и политическую зависимость от империалистических государств, стали происходить революции нового типа — национально-освободительные или антиимпериалистические. Такого рода революции, исходя из уровня социально-экономического развития конкретной страны, классового состава участников революционного движения, их идеологической и организационной оформленности, внешнего воздействия, особенно в период существования мировой социалистической системы, по своему содержанию либо не выходили за буржуазные рамки, либо ориентировались на некапиталистический путь развития.

Антишахская, антиимпериалистическая революция в Иране не привела к социальному перевороту в марксистском понимании этого термина. Однако в своем политическом срезе эта революция приобрела важнейшую содержательную особенность — а именно, исламизированную надстройку. Мы согласны с точкой зрения А.З.Арабаджяна, что процесс исламизации революции начался после падения последнего шахского кабинета Ш.Бахтияра 11 февраля 1979 г.³ Однако остается не совсем понятной причина, почему А.З.Арабаджян придает столь большое значение факту отсутствия в известном выступлении имама Хомейни 1 февраля 1979 г. какого-либо упоминания о стремлении совершить исламскую революцию. Например, достаточно вспомнить, что в «Обращении к гражданам России», которое написал В.И.Ленин 25 октября 1917 г., не было ни одного слова призыва к социалистической революции, а говорилось лишь о низложении Временного правительства и о том, что народные требования о мире и земле будут осуществлены.

См. [4]. С. 128.

Почему-то не принимается во внимание, что любая революция имеет свои фазы развития, которые могут отличаться по лозунгам, целям, руководящим и движущим силам. После падения правительства Ш.Бахтияра завершился этап борьбы со старой властью, и революция вступила в фазу борьбы за новую власть. Процесс установления новой власти, как известно, проходил уже под исламскими лозунгами и при неоспоримой гегемонии шиитского духовенства.

Полагаем, следует исходить из того, что в результате антишахской и антиимпериалистической революции, в Иране установился республиканский строй, а его системообразующим принципом стал разработанный имамом Хомейни тезис о «правлении богослова» («велияте факих») в условиях сокрытого имама. Исламизация общественно-политической жизни в Иране и некоторых аспектов иранской экономики вряд ли, как считают некоторые иранисты, носит внешний характер, заслуживая лишь названия «оболочки». На наш взгляд, процесс исламизации в Иране по своему глубинному проникновению в иранское общество превратился сегодня в один, если не самый главный, из менталитетных признаков, которые используются при научном определении разных цивилизаций.

Послереволюционный Иран оказался неудобным для США и западных стран не только и не столько из-за своих решительных шагов, освободивших страну от иностранного политического засилья. Главная причина заключалась в том, что эти шаги были предприняты Ираном, исходя из социально-экономических и этических взглядов, которые оказались поставленными на единую цивилизационную платформу с исламским (по иранскому варианту) содержанием. Иначе говоря, Иран, прежде чем предложить мировому сообществу «диалог цивилизаций», очертил радиусом исламской революции пространство для своей особенной цивилизации и тем самым предопределил противостояние с Западом, который до победы иранской революции во внешней политике следовал в общем-то классово-определенному формационному подходу.

Иранская революция, свершившаяся в условиях противостояния двух мировых систем, казалось бы, должна опереться на ту или иную социально-экономическую систему. Но этого не произошло, и в Иране был провозглашен лозунг «ни Восток, ни Запад». Если СССР, занятый во время иранской революции афган-

ской проблемой, отреагировал на этот лозунг с вынужденным спартанским стоицизмом, то западные страны, в первую очередь США, «отыгрались» на Иране в полной мере. Организовав экономическую и политическую блокаду Ирана, они отчетливо продемонстрировали, что цивилизационный подход к историческому развитию, в отличие от формационного подхода, в реальной политике означает не поддержку той или иной силы во внутриклассовой борьбе, а жесткое противостояние определенной стране на цивилизационном уровне.

Иран, однако, ни в силу внешних, ни в силу внутренних причин не мог и не может оставаться в длительной изоляции от внешнего мира. Во-первых, потому что страны Европы, Юго-Восточной Азии и Япония нуждаются в иранской нефти. Во-вторых, экономика Ирана, привязанная к экспорту и импорту инвестиционных товаров (и не только этих товаров), определяется понятием «открытая экономика» и не в состоянии существовать без внешних связей.

Почти 40 лет назад доля внешней торговли в ВВП Ирана составляла около 30%, накануне революции она достигла 40%, а сегодня держится на уровне 28—32%⁴. Можно ли в подобных условиях делать самоизоляцию главным принципом внешней и внутренней политики страны? Как показала история послереволюционного Ирана, автаркизм обречен на отмирание. Экономическая открытость Ирана представляется, помимо других причин, неодолимым фактором, действие которого почти фатально обрекает страну на поиски и установление приемлемого для нее диалога с внешним миром. В Иране может перемениться государственный строй, могут измениться нормы общественной морали, однако под угрозой утраты способности, прежде всего, к экономическому развитию, страна не в состоянии изолировать себя на сколь-нибудь длительное время.

С этой точки зрения диалог цивилизаций, при всей его мировой масштабности, оказывается для Ирана средством охранить страну от саморазрушения и одновременно средством укрепить свою цивилизационную самобытность и экономическую самостоятельность.

Столкновение цивилизаций, которое в современном мире слишком очевидно, чтобы не бросаться в глаза, питается не только менталитетными различиями народов, относящих себя к разным

⁴ Наш расчет по данным [1] и [2].

цивилизациям. Природу цивилизационных коллизий, наверное, следует искать в том числе и в нерешенности проблемы отставания развивающихся стран от стран, развитых в экономической, технической и технологической областях.

Распад Советского Союза, существенно изменивший картину глобального взаимодействия между государствами и странами, несколько снизил субъективную остроту восприятия проблемы отсталости, однако объективно этот вопрос по-прежнему не утратил своей актуальности. Рецепты, которые в период существования двух систем предлагались развивающимся странам для кардинального преодоления отсталости, себя не оправдали. Специалисты, работающие в области теории экономического развития, почти единодушно отмечают, что с точки зрения практической реализации экономических стратегий в развивающихся странах потерпели фиаско постулаты и теории «дуализма», «двух разрывов», «структурной перестройки» и «ускоренной индустриализации». Был подорван также принцип директивности в государственном планировании экономического развития⁵. Если говорить о траектории движения экономик в развивающихся странах, то она отнюдь не свидетельствует о сокращении разрыва. Парадокс, не лишенный известного драматизма, состоит в том, что хотя экономическая отсталость развивающихся стран и преодолевается, разрыв между ними и группой развитых стран не сокращается, а возрастает. Г.А.Зюганов в статье «Человечество перед выбором»⁶ приводит данные распределения доходов между наиболее обеспеченной и беднейшей группами населения мира. Разрыв между 20%-ми группами богатых и бедных стран (показатель, публикуемый UNDP в Human Development Report) составлял 30:1 в 1960 г., 60:1 в 1990 г. и 74:1 в 1997 г. Отставание стало практически необратимым процессом, особенно в области разработки и применения высоких и просто современных технологий. Технические и технологические инновации сегодня притекают в так называемые «периферийные страны» из развитых стран, то есть стран «другой цивилизации». К социально-экономическим разрывам, которые отличают развитые страны от периферийных и известны еще с 60-х годов (накопление — сбережение, экспорт — импорт, трудоинтенсивное и капиталоемкое экономическое

⁵ Подробнее см. раздел «Теории развития: сравнительный анализ» в [5]. См. [6].

развитие) добавился разрыв нового качества — разрыв в компьютерной информатизации экономики, или, по западной терминологии, «цифровой разрыв».

Примечательно, что наличие «цифрового разрыва» было констатировано экономистами «западной цивилизации» раньше, чем экономистами периферийных стран. Изначально развитые страны заговорили о «цифровом разрыве», имея в виду обеспечение более широкого сбыта за рубежом производимой ими компьютерной техники и ее программного обеспечения. Однако, по мере развития самостоятельных электронных областей, эти страны первыми ощутили, что процесс компьютеризации экономики усиливает ее неустойчивость в каждой отдельно взятой стране и в целом по всем западным странам. Достаточно упомянуть известную историю с монополизацией компании «Майкрософт» Билла Гейтса, а также судебные разбирательства, связанные со взламыванием («хакерством») шифрованных программ не только банковских, но и военно-политических систем информации в западных странах. Компьютерная сеть также знакома с распространением вирусов, которые уничтожают не просто программные приложения и файловые наработки рядового пользователя, но и дезорганизуют отлаженную работу целого ряда компьютерных систем, обеспечивающих жизнедеятельность ведущих сфер экономико-политической и социальной жизни стран любых цивилизаций. Если обратиться к художественным сравнениям, то финал компьютерной жизни, наверное, весьма близок к содержанию рассказа Эдгара По «Маска Красной смерти». С научной точки зрения сошлемся хотя бы на статью С.Бондаренко «Политическое комьюнити или семь уроков на будущее»⁷ В этой статье речь идет о «безобидной» попытке, правда, своевременно пресеченной, повлиять на исход президентских выборов в США в 2001 г. через организацию компьютерных торгов на голоса избирателей, которые пожелают продать свой открепительный талон. При этом отмечается, что американские организаторы торгов использовали сервер (грубо говоря, большой компьютер), который располагался на территории Болгарии.

Компьютеризация экономики породила также новое явление — электронную торговлю, которая благодаря сети Интернета уже с самого момента своего появления на свет стала международной.

⁷ См. [7].

Расчеты по электронной сети, хотя они и осуществляются через определенные банки, потребовали принятия особых мер по соблюдению коммерческой тайны, а также, относительно, и по обеспечению анонимности сторон денежного перевода. Разработаны и продолжают разрабатываться программы по криптографии денежных переводов через международную электронную сеть. Поэтому не могут не вызывать удивления некоторые публикации в российской прессе по поводу того, что «международные» террористы для концентрации своих денежных поступлений используют какие-то особые «арабские» методы, неизвестные для современного западного, в особенности, американского бизнеса.

Соображения о «цифровом разрыве» приведены нами, чтобы подчеркнуть, что глобализация, понимаемая хотя бы в виде процесса возникновения единого мирового рынка и единого мирового информационного поля, прежде всего усугубляет неустойчивость экономико-политической жизни в самих «цивилизованных» странах. Неизбежное приобщение развивающихся стран (с их тяжелым грузом социально-политических проблем и широким спектром политических сил, предлагающих свои рецепты для преодоления имеющихся трудностей) к всемирному информационному пространству делает это пространство не столько более широким, сколько более искривленным в невыгодном, а порой и в неприемлемом для «цивилизованных» стран измерении.

Неравный экономический потенциал и резко отличающийся жизненный уровень в развитых и периферийных странах, обладают способностью порождать, скорее, конфликтность во взаимодействии, чем мирное согласие. Мы полагаем, что диалог цивилизаций может, конечно, служить целям лучшего ознакомления культур с различными социально-экономическими и этическими ценностями. Однако, во-первых, он не служит автоматической гарантией для установления взаимопонимания между цивилизациями, а во-вторых, он не устраняет главную, то есть экономическую, предпосылку социально-культурных противоречий.

Сам по себе диалог цивилизаций не является открытием сегодняшнего дня. В различных формах он проводился столько лет, сколько существуют сами цивилизации. Иранское правительство, выдвинув тезис о налаживании диалога цивилизаций, на наш взгляд, совершенно справедливо (с намерением или без такового) отреагировало на известную статью Хантингтона о столкновении цивилизаций. Известно, что пресловутая статья встретила резкий

протест среди социологов и политологов из многих стран и даже была дезавуирована с научной точки зрения. Однако только Иран в контексте вопроса о характере взаимодействия цивилизаций выступил с вполне определенной политической инициативой, поддержанной ООН, о постоянном проведении диалога цивилизаций во всех доступных, исключая военные, формах государственной и народной дипломатии.

Но здесь возникает вопрос: страна, где появилась статья Хантингтона, и страна, которая фактически реализует претензию быть одним политическим полюсом мира, имеет ли намерение включиться в диалог цивилизаций? Может быть, у США имеются другие виды на цивилизационное взаимодействие? Отвечая на эти вопросы, мы придерживаемся точки зрения преподавателя Академии Генштаба РФ Т.В.Грачевой, изложенной в статье «Этические войны»⁸. Автор статьи обращает внимание на следующий пункт в сегодняшней концепции национальной безопасности США: «в некоторых случаях американская нация может действовать потому, что того требуют ее ценности». Отсюда следует вывод, что нынешняя администрация США уже не проводит различия и между национальными интересами и национальными ценностями и что Америка считает себя главным источником и главным субъектом морали для остального мира. Естественно, такая самооценка со стороны администрации США становится первопричиной (помимо экономических причин) агрессивного вмешательства Америки в политическую и духовно-культурную жизнь других стран.

Мы далеки от мысли, чтобы преуменьшить политическое значение «диалоговой инициативы» Ирана в международном масштабе. Рассматривая эту инициативу в контексте взаимодействия развитых и периферийных стран, мы полагаем, что предложенный Ираном диалог является единственным эффективным средством для постоянного планетарного обсуждения всех вопросов, связанных с равноправием и судьбой цивилизаций, существующих сегодня на земном шаре. Возможно, что другие развивающиеся страны, включившись в этот диалог и более глубоко всмотревшись в свои цивилизационные корни, сумеют приобрести средство для известной нейтрализации собственной второстепенной и подчиненной роли прежде всего в мирохозяйственных странах.

⁸ См. [8].

На наш взгляд, послереволюционная иранская действительность свидетельствует, что цивилизационные аспекты общественного бытия страны все более концентрировались и продолжают концентрироваться в области духовной культуры, в то время как культура экономической жизни являет собой довольно сильную конвергенцию с практикой, бытующей в странах цивилизованных по западному образцу. Нынешние мирохозяйственные связи, к сожалению, имеют такое строение и силу, что экономика любой страны вынуждена руководствоваться правилами и терминами западной цивилизации, хотя эти правила и понятия могут и расходиться с некоторыми важными традиционно-культурными представлениями отдельной страны о смысле и целях экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический сборник по временным рядам экономических и социальных показателей до 1996—97 г. Планово-бюджетная организация. Тегеран. 1997 (на перс. яз).
2. Iran. Statistical Yearbook, 1377 (March 1998 — March 1999). Plan and Budget Organization. Tehran, Winter — 2000.
3. *Дружиловский С.Б.* К вопросу о характере антишахской революции в Иране (по материалам зарубежной литературы). // Иран: ислам и власть. М., 2001.
4. *Арабаджян А.З.* О речи имама Хомейни на кладбище Бехеште Захра 1 февраля 1979 г. (к вопросу о характере Исламской революции 1978—1979 гг.). // Иран: ислам и власть. М., 2001.
5. *Тодаро Микаэль П.* Экономическое развитие. Перевод с англ. М., 1997.
6. *Зюганов Г.* Человечество перед выбором. // Завтра, № 51 (420), 2001. С. 2.
7. *Бондаренко С.* Политическое комьюнити или семь уроков на будущее. // Мир Internet, № 3, 2001.
8. *Грачева Т.В.* Этические войны. // Русский дом, № 10, 2001.

МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО И НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИРАНА

После сделанного С.Хантингтоном вывода об ожидающем человечество «столкновении цивилизаций» довольно много времени прошло в ожидании того, как отреагирует на это «пророчество» мусульманский мир, который Хантингтон выделил в качестве главной силы, противостоящей западной или христианской цивилизации. Большинство исследователей сходилось на том, что позицию мусульман, скорее всего, сформулируют представители воинствующего ислама, которые примут вызов и объявят о готовности начать джихад против погрязших в пороках неверных. Однако этого не произошло. Исламские радикалы не смогли или не захотели заниматься вопросами будущего цивилизационного развития человечества, предпочитая решать более привычные для них локальные задачи. Ответ прозвучал со стороны государства, в котором мусульманское духовенство обладает всей полнотой власти и несет личную ответственность за проводимый им курс в области внутренней и внешней политики. Речь идет об Исламской Республике Иран, президент которой М.Хатами на 53-й сессии ГА ООН обратился к народам мира с предложением покончить с военной конфронтацией и насилием в мировой политике и войти в третье тысячелетие, приняв концепцию мирного межцивилизационного диалога. Как известно, в развитие этого предложения ГА ООН единодушно объявила первый год нового столетия годом диалога цивилизаций.

Как бы ни относиться к предложенной президентом ИРИ идее, она, несомненно, более приемлема в качестве вектора развития будущих международных отношений, чем альтернатива, указанная Хантингтоном. Даже если, как считают некоторые, предложение М.Хатами всего лишь ловкий политический маневр, направленный на то, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к будущему столкновению с Западом, сам Запад может воспользоваться шансом и заставить исламский мир играть по предложенным им самим правилам. О том, что М.Хатами представил не только свое видение будущего мирового развития, свидетельствует

поддержка, которую его предложение получило на сессии Организации Исламская Конференция в Тегеране в 1997 г., а также единогласное голосование участников 53-й сессии ГА ООН в 1999 г. и одобрение идеи «диалога цивилизаций» главой римско-католической церкви Иоанном Павлом II.

О серьезности намерений самого М.Хатами проводить идею диалога цивилизаций в жизнь свидетельствует ряд написанных им работ и серия выступлений в различных аудиториях в самом Иране и за рубежом, где он детально рассматривает возможности и пределы межцивилизационных контактов и обменов, предлагая при этом приоритеты и тематику возможных диалогов и совместных проектов. При этом М.Хатами отнюдь не испытывает неоправданного оптимизма в отношении возможностей быстрого практического воплощения предложенной им идеи. В одном из своих выступлений он заявил: «Я полностью отдаю себе отчет в том, что чрезмерный оптимизм в отношении ближайших результатов предлагаемого диалога культур и цивилизаций может лишь помешать ему и создать трудности, точно так же, как и чрезмерный пессимизм, учитывая положение дел в мире, с одной стороны, и все те препятствия, с которыми сталкивается это предложение, — с другой. Очевидно, что мы должны ясно сознавать, что находимся в самом начале долгого, тернистого и трудного пути»¹

Действительно, трудности, которые стоят на пути воплощения в жизнь предложений иранского президента велики и многогранны. Начнем с того, что концепция «диалога цивилизаций» имеет несколько составляющих, которые в воззрениях М.Хатами имеют свою очередность. Это:

- 1) диалог внутри мусульманского мира,
- 2) диалог мусульманского мира с западной (христианской) цивилизацией,
- 3) диалог с другими цивилизациями (конфессиями).

Каждому из выше указанных направлений М.Хатами посвятил одну или несколько своих публичных речей и значительное количество теоретических работ. Речь идет, прежде всего, о его выступлениях на сессии ОИК в Тегеране в 1997 г., на которой обратился к народам и правительствам мусульманских стран, на 53-й сессии ГА ООН в 1998 г., где он обратился к народам мира,

Выступление М.Хатами на ежегодной сессии ЮНЕСКО. Париж, 29 октября 1999 г.
// Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001 С.55.

и на сессии ЮНЕСКО в 1999 г., где он призвал к диалогу народы и правительства западного (христианского) мира. Причем тон и содержание этих выступлений имеют видимые отличия. Так, диалог внутри исламского мира, по мнению Хатами, должен вестись во имя сближения и объединения всех мусульманских народов в единую мусульманскую умму или, по выражению Хатами, для возвращения в «общий исламский дом». Это является главной предпосылкой для возрождения величия исламской цивилизации. В то же время Хатами подчеркивает, что это возвращение «не означает движения вспять, отказа от научных достижений, ухода из современного мира и нацеленности на конфликт с другими нациями»². Наоборот, по мнению Хатами, сближение мусульманских стран и народов дает возможность перейти к реализации новой политической системы — «исламскому гражданскому обществу», которое «хотя и должно строиться вокруг стержня исламской мысли и культуры», но в нем будут «невозможны личная и групповая диктатура. <...> В таком обществе человек в силу его принадлежности к человеческому роду вознесен на пьедестал и почитается, а его права уважаются. В таком обществе правительство является слугой народа, а не его хозяином, и при любых обстоятельствах подотчетно народу. Наше гражданское общество — это не общество, где правами наделены только мусульмане и только они считаются гражданами. Правами в рамках правопорядка обладают все индивиды. Обеспечение этих прав является одной из основных обязанностей правительства»³.

Что же касается современных отношений между исламской и западной цивилизациями, то Хатами, обращаясь к участникам сессии ОИК, заявил, что между будущей «исламской цивилизацией и нашей сегодняшней жизнью находится так называемая «западная цивилизация», на счету которой немало достижений, но чьи отрицательные последствия, особенно для тех, кто живет за пределами западного мира, — бессчетны»⁴. В то же время он однозначно подчеркнул и в последующем постоянно повторял тезис о том, что если мусульманский мир хочет обеспечить себе достойное будущее, сегодня он должен использовать «действительные достижения западной цивилизации в науке, технике и социальной жизни»⁵.

Выступление М.Хатами на 8-й сессии Глав государств, членов ОИК, Тегеран, 9 декабря 1997 г. // Ислам, диалог С. 36.

Там же. С. 37.

Там же. С. 32.

Там же. С. 33

Как ни покажется странным, собственно вопрос о диалоге между цивилизациями в своем выступлении на сессии ОИК Хатами затронул лишь однажды, заявив, что «сложность культурного и духовного измерений других обществ и государств делает необходимым установление диалога с ними»⁶.

В то же время, в своих выступлениях на сессии ЮНЕСКО и в Европейском университете во Флоренции в 1999 г. Хатами сделал основной упор именно на освещение этого вопроса. Он, в частности, заявил, что наше время — это время господства и укрепления позиций западной цивилизации, которая существует более четырех веков, и далеко продвинулась в науке, политике и социальном регулировании. Вместе с тем иранский президент высказал мнение, что «западная цивилизация является изношенной и постаревшей»⁷, «западная цивилизация создана человеком и поэтому она не вечна и подвержена разрушению»⁸. Прежде всего, это разрушение затронуло сферу западной культуры и нравственности. Это, в свою очередь, приводит к кризису семьи, кризису во взаимоотношениях между человеком и природой, этическому кризису в сфере научных исследований и другим проблемам. Поэтому Хатами призывает начать диалог с Западом с рассмотрения положения в сферах культуры и религии, где, как он считает, ислам может продемонстрировать свои преимущества перед западной цивилизацией. Касаясь достижений Запада в области науки и техники, Хатами определяет их как безусловное достояние всего человечества и, как уже было сказано выше, призывает все, в том числе мусульманские страны селективно, но неуклонно внедрять их у себя.

В то же время Хатами считает, что для начала продуктивного диалога с Западом пока еще нет целого ряда важнейших предпосылок, в том числе, не создано условий для равноправного участия сторон в таком диалоге. «Как можем мы призывать к миру и взаимопониманию, — вопрошает иранский президент, — в мире, где существует огромная пропасть между богатыми и бедными в разных сообществах и странах? Как можем мы призывать к диалогу, если не предпринимаются никакие меры, чтобы помочь обездоленным народам мира?». По мнению Хатами, в третьем тысячелетии всех нас ожидает одна судьба. «Даже если Запад решит спасти только свою жизнь и забыть о судьбе народов в

⁶ Там же. С. 36.

Хатами М. Наша революция и будущее ислама. // Ислам, диалог С. 201.

Хатами М. Традиции, современность и развитие. // Там же. С. 167

остальной части мира, он будет вынужден помогать другим, чтобы обеспечить свою собственную безопасность»⁹ При этом, чтобы сделать судьбу всех народов счастливой и справедливой, «единственно правильный путь действий — диалог между различными культурами и цивилизациями»¹⁰.

Таким образом, диалогу с западной цивилизацией Хатами придает очень важное значение, но при условии признания того, что она не является ни концом, ни венцом человеческой истории, и должна быть готова к приходу новой, более совершенной (подразумевается исламская) цивилизации.

Что касается цивилизаций, находящихся за пределами исламской и западной, то им предлагается осмыслить масштабы системного кризиса, происходящего на Западе, и присоединиться к исламскому миру в поисках альтернативной модели будущего развития человечества.

Еще один неофициальный, но очень важный для него и его окружения диалог Хатами уже несколько лет ведет в самом Иране. Здесь его оппонентами выступают, с одной стороны, консервативные и радикальные исламские богословы, которые каждый со своих позиций критикуют прагматический курс политики иранского президента и его правительства, а с другой — представители различных неформальных группировок интеллигенции и молодежи, которые требуют осуществления более решительных шагов по сближению с Западом, а также либерализации общественной и культурной жизни, ограничения позиций духовенства во властных структурах страны. Последние президентские выборы, на которых Хатами одержал убедительную победу, выиграв уже в первом туре голосования, наглядно демонстрируют, что, по крайней мере, у себя в стране его аргументация услышана и оказалась более убедительной, чем у его оппонентов. Однако контроль исламских радикалов и консерваторов за основными СМИ и судопроизводством в Иране и все большее недовольство положением дел в стране в молодежной и студенческой среде, которое, как известно, вылилось в массовые антиправительственные демонстрации летом 1999 г., представляют несомненную угрозу курсу иранского президента. В связи с этим Хатами постоянно ведет полемику с официальной и неформальной оппозицией в Иране. Так, в одной из своих работ он прямо назвал те силы, которые, по его мнению, ослабляют Исламскую

⁹ Выступление М.Хатами на ежегодной сессии ЮНЕСКО. С. 72.

¹⁰ Там же. С.73.

Республику Иран и подрывают ее изнутри. Одна из этих сил — «светский интеллектуализм», другая — непросвещенный религиозный догматизм. Первые, как считает Хатами, всегда выполняли в Иране роль «пятой колонны» и никогда не пользовались широкой поддержкой среди населения. По мнению Хатами, «сознательно или нет, но светские интеллектуалы льют воду на мельницу врага, который против нашей независимости, культуры, религии и свободы нашего народа. Как показывает история, эта группа, в общем и целом, была заодно с системами деспотизма, за которыми стояли иностранцы». В то же время Хатами полагает, что сегодня «светские интеллектуалы не представляют собой серьезной опасности, несмотря на то что они могут вызывать сумятицу в умах молодежи и других подверженных их воздействию частях общества, или же служить опорой врагу и каналом его проникновения в общество»¹¹. Однако в этой же работе Хатами вынужден признать, что «нашим самым большим изъяном, если иметь в виду сферу мышления и развития, являются недостатки или слабости религиозного интеллектуализма»¹². Таким образом, очевидно противоречие между потребностями Ирана в интеллектуалах и нежеланием или неспособностью правящей религиозной верхушки привлечь к интеллектуальной работе представителей светской интеллигенции.

С еще более нелицеприятной критикой выступает Хатами против религиозных догматиков. По его мнению, «догма представляет собой самое крупное препятствие для того, чтобы институционализировать систему, которая желает дать модель для настоящего и будущего человеческой жизни, систему, которая основывается на более убедительной логике, чем конкурирующие с ней школы и идеологии»¹³. В одной из своих работ, ссылаясь на мнение имама Хомейни, Хатами пишет, что «отсталые и догматичные представители духовенства представляют особую опасность для революции»¹⁴.

В целом очевидно, что диспут по вопросу о дальнейших путях развития исламской республики в Иране будет продолжаться, и хотя президент Хатами и его сторонники, судя по всему, постепенно укрепляют свои позиции в обществе и государственном аппарате, иранский эксперимент еще не окончен и многое в этом

¹¹ Хатами М. Наша революция и будущее ислама // Ислам, диалог... С. 230.

¹² Там же. С. 232.

¹³ Там же. С. 231.

¹⁴ Хатами М. Страхи и надежды // Там же. С. 138.

вопросе будет зависеть от усиления позиций ИРИ в мировом сообществе. Поэтому призыв Хатами к народам мира приступить к диалогу цивилизаций непосредственно проистекает из той политической борьбы, которая ведется сегодня в самом Иране. Успех или провал этой внешнеполитической инициативы иранского президента могут существенно повлиять на прочность его позиций и судьбу осуществляемого им курса по реформированию Ирана.

В то же время очевидна вся сложность и противоречивость предлагаемого Хатами проекта. Даже если идея диалога не будет «забыта» с окончанием 2001 г. и президент Хатами отыщет заинтересованных партнеров среди руководителей влиятельных мировых держав, ожидать конкретных результатов от начавшегося процесса диалога цивилизаций в обозримом будущем можно только по некоторым направлениям. Речь идет, прежде всего, о культурных и религиозных аспектах такого диалога. Но трудно, например, ожидать успеха в области осуществления различными странами своей национальной политики. В подтверждение этого можно привести два примера. Во время посещения Хатами папы римского в Италии в 1997 г. последний без колебаний одобрил его инициативу и высказался в пользу диалога между исламом и католической церковью. А вот бывший президент СССР Горбачев, получив в свое время достаточно безобидное философское послание имама Хомейни, где тот предлагал ему, отвернувшись от деградировавшего коммунизма, обратиться к ценностям религии, и в частности к исламу, расценил это послание как вмешательство во внутренние дела СССР.

Сам Хатами, выступая на сессии ЮНЕСКО, где он достаточно подробно и убедительно обосновал необходимость диалога между цивилизациями, в конце своего выступления неожиданно заявил, что нельзя отрицать возможность того, что диалог между культурами и цивилизациями в конечном итоге приведет к беспорядку и хаосу в мире¹⁵. В то же время сама идея, предложенная президентом Ирана, оказалась очень своевременной. Она дала ответ на вызов Запада, сформулированный Хантингтоном, подняла престиж ИРИ в мировом сообществе и укрепила позиции прагматически настроенного лидера Ирана в канун очень важных для него и всего Ирана президентских выборов 2001 г., на которых он одержал более чем убедительную победу.

¹⁵ Выступление М.Хатами на ежегодной сессии ЮНЕСКО. С. 71.

РОССИЯ И ИРАН В 90-е ГОДЫ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Сентябрьские 2001 года террористические акты в США и последовавшие за ними события знаменуют собой важную веху в историческом развитии государств Ближнего и Среднего Востока и, судя по всему, вносят серьезные коррективы в формирование элементов новой структуры международных отношений как в регионе, так и в мире в целом.

Неизбежная для России включенность в процесс формирования новой системы международных отношений определяет ее практическое участие в событиях на Ближнем и Среднем Востоке в целом. В переходный период своего внутреннего развития Россия находится на критически важном этапе переосмысления государственных интересов, как в области внутренней, так и внешней политики.

Сегодня ближневосточный регион приобретает особо важное значение для реализации российских интересов в южной зоне постсоветского пространства, так как после распада СССР развитие международной и региональной обстановки привело к тому, что как Россия, так и государства Ближнего и Среднего Востока фактически оказались в одном геополитическом, военно-стратегическом пространстве с «пограничными» проблемами, резко возросшей взаимозависимостью и взаимообусловленностью идущих здесь политических и экономических процессов.

Поскольку Ближний и Средний Восток являются зоной опасных международных конфликтов, перспектива скорейшего и всеобъемлющего урегулирования которых остается достаточно проблематичной, происходящие там события непосредственным образом затрагивают национально-государственные интересы России, прежде всего на Кавказе и в Средней Азии.

В последние десятилетия XX века терроризм и экстремизм оказались неразлучными спутниками государств Ближнего Востока и существенно расширили суть конфликтного потенциала региона, которая в прошлом сводилась в массовом сознании в основном к арабо-израильскому конфликту и противостоянию двух

мировых систем. Недавние поражения приверженцев некоторых исламистских течений в военной области — Алжир, Дагестан, Чечня, Афганистан, в парламентской практике — Турция, Судан, в сфере внутренней политики — Иран, Саудовская Аравия способны, очевидно, подтолкнуть их к более радикальным мерам и решительным действиям реваншистского характера.

В этой связи стабильность и предсказуемость развития политической и военно-стратегической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в регионах прилегающих к нашим границам, границам СНГ, а также обеспечение прочного мира и безопасности являются основным императивом российской внешней политики в этом направлении. Снижение уровня конфронтационности там будет способствовать нейтрализации аналогичных или схожих деструктивных процессов на территории России и в границах постсоветского геополитического пространства.

Сохраняется и значение этого региона в качестве одного из основных источников энергоресурсов, важнейшего узла пересечения мировых коммуникаций, емкого рынка сбыта валютно-доходных товаров. В этой связи к категории долгосрочных российских интересов можно отнести создание благоприятных условий для оптимального развития сотрудничества России со странами Ближнего и Среднего Востока, российского участия в проектах экономического развития стран региона на двусторонней и многосторонней основах, доступа наших товаров, в том числе военно-технического характера, на рынки стран региона.

События 11 сентября в США заставили многие страны пересмотреть свои внешнеполитические концепции. Угроза международного терроризма стала реальной для всех государств, даже таких внешне благополучных и сильных, как Америка. Россия в последние годы являлась одним из объектов деятельности международных террористов.

Наиболее эффективной силой в борьбе с терроризмом может стать организация широкой антитеррористической коалиции. Но существует опасность, что ряд стран, в частности США, могут использовать эту коалицию для ослабления и борьбы с государствами, которые проводят политику, не устраивающую американцев. Так, бывший государственный секретарь США Г. Кисинджер заявил, что нет никаких оснований считать членами коалиции страны, которые воздерживаются от публичного осуждения терроризма (в трактовке американцев. — *Л.К.*) и сочувствуют неко-

торым аспектам программ террористов. Эти соображения Г. Кисинджер относит к Ирану, Ираку, Сирии, т.е. к тем государствам, с которыми у России существуют длительные дружественные экономические, политические, культурные отношения¹. В этой связи важно, чтобы Россия прежде всего руководствовалась своими собственными интересами и задачами, а не являлась пассивным орудием в руках западных государств.

Иран в силу своего геостратегического положения, экономического и военного потенциала является важным внешнеполитическим союзником России на южном направлении. Иран не имеет общей границы с Россией, но он граничит с государствами СНГ — Арменией, Азербайджаном, Туркменией и находится вблизи Северного Кавказа, поэтому Тегеран в состоянии оказывать заметное влияние на события, происходящие в регионе.

История российско-иранских отношений исчисляется веками. Особенно непростыми стали последние десятилетия, когда в Иране и нашей стране менялся общественно-политический и экономический строй, утверждалась новая идеология, к власти приходили новые социальные силы.

Распад СССР явился неприятным сюрпризом для Ирана, на северных границах которого вместо привычной «угрозы советской военной мощи» активизировались плохо предсказуемые этно-религиозные конфликты самого широкого спектра. Вскоре они охватили часть населения ИРИ. Иран также оказался вовлеченным в хитросплетения и интриги междоусобной и клановой борьбы региональных элит в Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе (Афгано-Таджикский, Нагорно-Карабахский, Чеченский и др.). Все это уже напрямую затрагивало интересы национальной безопасности ИРИ и представляло реальную опасность территориальной целостности иранского государства.

Важным моментом во внешней политике России, по сравнению с бывшим СССР, стало изменение ее региональных приоритетов. С образованием новых независимых государств в Средней Азии и Закавказье этот регион стал центральным во внешней политике России, которая стремилась установить контроль над этими государствами, и значительно выросла роль Ирана во внешней политике России. Стратегическое место Ирана в зоне Персидского залива, его важность как торгового партнера России, его

отношения и позиции в бывших советских республиках Средней Азии и Закавказья — все это вызывает повышенный интерес России к Ирану. В свою очередь в условиях определенной международной изоляции Иран нуждается в дипломатической и экономической поддержке России.

Но в отношениях между двумя странами случались и недопонимания. Например, когда ИРИ заявила о распространении режима исламского правления на соседние страны, а также в связи с попытками Ирана транспортировать энергоресурсы из Средней Азии и Закавказья в обход России. Несогласованность в рядах правящей российской элиты также вызывала серьезные осложнения в российско-иранских отношениях. Прежде всего, это касалось поставок в Иран некоторых составляющих ядерных реакторов, о чем шли переговоры между иранским правительством и министерством атомной энергетики РФ, что (по некоторым оценкам западных экспертов) могло бы ускорить производство Ираном атомного оружия. Но в результате сильного давления США сделка не состоялась. Кроме того, некоторые представители российского генералитета были склонны рассматривать Иран и его программы модернизации своего ракетного оружия как потенциальную угрозу России².

Российско-иранское сближение наметилось в конце 80-х годов. Новый импульс развитию двусторонних связей был дан в июне 1989 г. во время визита в Москву иранского президента Хашеми Рафсанджани, в ходе которого был заключен ряд важных соглашений, в том числе в области военно-технического сотрудничества (ВТС). В то время Иран крайне нуждался в советском оружии и военной технике, т. к. его военный потенциал был сильно подорван ирано-иракской войной. Напряженность отношений с США не давала возможности достать запасные части к западным образцам оружия.

Война в Персидском Заливе 1990—1991 гг., в результате которой США значительно укрепили свое политическое и военное присутствие в регионе, заключив военные соглашения со странами ССАГПЗ и получив военные базы в этом районе, еще более увеличили зависимость Ирана от российских военных поставок.

Для России Иран один из немногих кредитоспособных клиентов. С конца 80-х годов общая стоимость поставляемых в Иран из России вооружений превысила 2,5 млрд. долларов. Особая важ-

ность для России Ирана в качестве партнера заключается в его участии в процессах, происходящих в Среднеазиатском и Закавказском регионах. Иран объективно является конкурентом Турции за влияние в данном регионе в процессе заполнения идеологического, политического, экономического вакуума, образовавшегося после распада СССР.

Россию и Иран одинаково беспокоят нестабильность и переменчивость ситуации в этом регионе. Именно поэтому в период обострения конфликта в Нагорном Карабахе (1991—1993) Иран играл активную роль посредника между Арменией и Азербайджаном. Определенное беспокойство вызывает у Ирана рост азербайджанского национализма и призывы ряда азербайджанских политических деятелей к объединению азербайджанцев в единое государство (за счет присоединения к Азербайджану части севера Ирана. — *Л.К.*).

Иран, также заинтересованный в поставках современного российского вооружения, весьма осторожно подходил к двусторонним отношениям с нашей страной. Несмотря на официальную риторику исламских клерикалов, президент Х. Рафсанджани не акцентировал внимание на политических отношениях со Средней Азией и Закавказьем, а стремился развивать культурные и экономические связи с этими странами.

Спокойная в целом реакция иранского руководства на первую чеченскую войну (1994—1995), российскую поддержку сербов в бывшей Югославии в 1993—1995 гг., способствовали укреплению российско-иранских двусторонних отношений.

В начале 90-х годов Россия фактически уступила США почти по всем советским позициям на Ближнем Востоке. Исключение составлял Иран. Между РФ и США возникли разногласия по вопросу о поставках в Иран российских ВВТ. Наиболее острым моментом майской встречи 1995 г. Клинтона с Ельциным в Москве было обсуждение вопроса о продаже Ирану ядерных реакторов. Однако на этот раз Б. Ельцин отказался уступить США. РФ согласилась только аннулировать ранее достигнутую с Тегераном договоренность по продаже Ирану готовой газовой центрифуги. Но в основном в политических кругах России придерживались мнения о необходимости укрепления российско-иранских связей, особенно в условиях отсутствия отношений Ирана с США. Немалым стимулом развития связей с Ираном служило и то обстоятельство, что Европа продолжала, несмотря на все запреты США, поддерживать тесные экономические связи с Ираном.

В 1995 г. Россия в условиях первой чеченской войны и активного расширения НАТО на Восток нуждалась в политических партнерах. В этой ситуации антизападный, антиамериканский режим Тегерана являлся естественным союзником РФ. В марте 1996 г. в ходе визита в Москву министр иностранных дел ИРИ А. Велаяти заявил, что «сегодня российско-иранские отношения находятся на самом высоком уровне»³. Иран солидаризировался с российской позицией относительно планов НАТО по расширению на Восток, высказал заинтересованность в перемирии в Таджикистане и развитии сотрудничества на Каспии.

Россия проявила готовность заключить с Ираном сделку на 4 млрд. долларов на поставку российского вооружения и военной техники (ВВТ) в Иран за период с 1997-го по 2007 г., если Иран сможет выполнить свои финансовые обязательства. Со своей стороны ИРИ предлагала России перевести часть сделки в плоскость бартера⁴.

Военные успехи талибов в Афганистане способствовали более тесному сближению России и Ирана. Учитывая враждебное отношение талибов к проиранским шиитским силам в Афганистане, а также то, что страна при талибах превратилась в крупнейший региональный центр производства наркотиков, Иран стал планировать создание антиталибской коалиции. В Тегеране была организована конференция, в которой приняла участие и Россия. Российское руководство, опасавшееся роста влияния талибов в Средней Азии, было заинтересовано в том, чтобы остановить их победное шествие. Проблема талибов была в центре переговоров министра иностранных дел Е.М.Примакова в Тегеране в 1996 г. Согласно сообщениям МВД ИРИ, на границе с Афганистаном Иран разместил около 30 тыс. военных, чтобы воспрепятствовать проникновению наркотиков в страну. В 1998 г. в Афганистане было убито несколько иранских дипломатов, что еще больше осложнило ирано-афганские отношения. В 1999 г. Иран и РФ подписали соглашение о совместной борьбе с наркоторговлей⁵

Другим важным моментом сближения ирано-российских интересов явился Таджикистан. Россия опасалась всплеска исламского радикализма в Таджикистане и расширения гражданской войны в результате соперничества исламистов и так называемых демократов — сторонников России. В 1994 г. Иран, где нашли убежище ис-

³ Тегеран IRNA, march 7, 1996.

Middle East journal, v. 54, №1, 2000. P. 10—12.

Эттелаат. 01.07.1999 (Цит. по: *Freedman R.O.*).

ламские оппозиционеры из Таджикистана, помог России организовать переговоры между двумя противоборствующими сторонами. В феврале 1997 г. также при помощи Ирана Россия выступила посредником в заключении соглашения между правительством Таджикистана и исламскими повстанцами. И в дальнейшем Россия и Иран продолжали тесно контактировать по ситуации в Таджикистане, что позволило Е.М.Примакову во время визита в Тегеран в январе 2000 г. охарактеризовать российско-иранское сотрудничество по Таджикистану как «ценный опыт» двусторонних отношений⁶.

Избрание в мае 1997 г. президентом Ирана М. Хатами принесло ряд новых моментов в российско-иранские отношения. Иранский президент начал проводить более открытую внешнюю политику, выступил за сближение с арабскими странами, Европой и США. Сближение с США началось в декабре 1997 г. с заявления Хатами в интервью CNN, в котором он предложил американцам улучшить двусторонние отношения. Высказывания Хатами благожелательно были встречены в Америке. Были сняты американские санкции с французских, российских, малайзийских компаний, разрабатывающих иранские газовые месторождения Южного Парса. Затем последовал приезд в Иран американской сборной по борьбе и других делегаций.

Но развитие ирано-американских отношений было заторможено в результате начавшихся летом 1999 г. нападок исламских консервативных лидеров в меджлисе и прессе на новый курс президента. В газете «Вашингтон Таймс» появилась статья, где утверждалось, что поставленное Россией оборудование для ядерных объектов способствует развитию в Иране работ по созданию ядерного оружия⁷. Россия была вынуждена пообещать прекратить продажу в Иран технологии двойного назначения. В то же время Россия не хотела жертвовать выгодными контрактами с Ираном, что сделалось особенно актуальным после дефолта 1998 г. Российско-иранские отношения в 1998—1999 гг. отличались определенной двойственностью. С одной стороны, Россия не хотела обострять отношения с США, с другой — она стремилась сохранить свое влияние в Иране. Строительство ядерного реактора в Бушехре имеет для России не только финансовое значение, но, прежде всего, политическое, т. к. дает возможность сохранить свое присутствие в Ближневосточном регионе. Поэтому начиная с 1998 г. работа на строительстве ядерного реактора в Бушехре была активизирована.

⁶ См.. Эттелаат. 17.01.2000.
Washington Times. 11.02.1999.

С иранской стороны было подписано соглашение в ноябре 1998 г. во время визита министра Минатома, по которому Бушехр превращался в «ударную стройку», где теперь вместо иранских работали российские специалисты, которым была поставлена задача завершить строительство к маю 2003 г.

Важной точкой соприкосновения интересов Ирана и России является Каспий. Иран и Россия долго придерживались одинаковой позиции по Каспию. Однако, Россия подписала единолично соглашение с Казахстаном в 1998 г. по разграничению дна моря, что вызвало неудовольствие Ирана и его сближение с Туркменистаном. Неурегулированность правового статуса Каспийского моря во многом затрудняет отношения между прикаспийскими государствами и может быть использовано третьей стороной в ущерб российско-иранским двусторонним отношениям. В частности, Иран и Россия были особенно обеспокоены действиями США в отношении нефтепровода Баку—Джейхан и транскаспийского газопровода, т.к. опасались намечавшегося сотрудничества Азербайджана и Грузии с НАТО. Эти опасения усилились в результате решений, принятых на заседании ОБСЕ в Стамбуле в 1999 г. по поводу ускорения строительства нефтепровода Баку—Джейхан. Однако самым чувствительным моментом, как для России, так и для Ирана, стала принятая на встрече ОБСЕ декларация о строительстве газопровода из Туркменистана в Баку и далее в Турцию⁸. Россия рассчитывала поставлять газ в Турцию по газопроводу «Голубой поток», а Иран хотел поставлять туркам газ через фактически построенный газопровод Иран—Турция, а не через территорию Азербайджана, Грузии и Турции. Конечно, Россия и Иран не проявили заинтересованности. Газпром добился соглашения с Туркменистаном в декабре 1999 г. о покупке и поставке туркменского газа за 36 долларов (1000 м³), что стало сдерживать усилия Туркменистана по сооружению транскаспийского газопровода⁹. Иран, со своей стороны, снизил стоимость нефтепродуктов на одну треть в торговле с Туркменистаном, Казахстаном, Азербайджаном. Заместитель министра нефти ИРИ Мехди Хосейни откровенно заявил, что снижение цены проектов позволит Ирану успешно бороться за политическую альтернативу экспорту сырой каспийской нефти¹⁰. Но, несмотря на

⁸ *Freedman R.O. Russian-Iranian relations in the 1990-s. // MERIA, v. 4, №2, June, 2000. P. 18.*

См.: *Известия. 21.12.1999.*

¹⁰ См.: *Эттелаат. 23.11.1999.*

кажущееся единство, долгосрочные интересы по энергоресурсам Каспия у России и Ирана различны. Россия стремится, чтобы транспортные артерии прошли через ее территорию, Иран же планирует транспортировку каспийской нефти и газа через свою. Министр иностранных дел ИРИ К. Харрази подтвердил, что Иран рассматривает путь через иранскую территорию «как наилучший путь на юг, восток и запад»¹¹.

Определенные сложности в российско-иранских отношениях возникли в результате второй чеченской войны. В 1999 г. Иран возглавлял ОИК и должен был защищать мусульман во всем мире. Несмотря на то что Иран, как и прежде, считал, что Чечня — это внутреннее дело России, он стал более активно критиковать действия федеральных властей в Чечне. Представитель МИД ИРИ Х. Асефи заявил, что Иран «не считает силовые действия подходящим средством урегулирования в Чечне и Дагестане. Правительство и народ Ирана могут только сожалеть о продолжающейся военной операции российских войск на северном Кавказе»¹². Со своей стороны Россия также подвергла критике Иран за оказание помощи чеченским боевикам.

3 декабря 1999 г. российское правительство разрешило посетить представителям ОИК во главе с Ираном Северный Кавказ. Несмотря на то что выводы ОИК не отличались сильной критикой в адрес России, министр К. Харрази заявил, что «продолжающаяся война в Чечне является неприемлемой для исламского мира и формирует неприятный имидж России в регионе и в исламском мире в целом»¹³.

Однако арабские соседи ИРИ считали, что критика Ирана в отношении России была слишком мягкой и что, продолжая настаивать на том, что чеченская война является внутренним делом РФ, Иран «наносит удар в спину Чеченской республике»¹⁴.

Несмотря на ряд спорных областей, в целом российско-иранские отношения на протяжении 90-х годов оказались продуктивными и заложили хороший фундамент на будущее.

Для РФ Иран выгодный партнер по ВТС и емкий рынок для оборудования ядерной энергетики, союзник в поддержании определенного баланса в отношениях с США на Ближнем Востоке, особенно в Персидском Заливе, где у России имеются страте-

Эттелаат. 24.06.1999.

Middle East Review of International Affairs, №2, v. 4, june, 2000, P 12.

Эттелаат. 28.01.2000.

Аш-шарк. Аль-Аусат. 27.01.2000.

гические интересы. Для России Иран является фактором, способным содействовать умиротворению в Таджикистане, сдерживанию Азербайджана, обеспечению общих интересов в Афганистане и мусульманском мире в целом.

Для Ирана Россия является важным источником современных ВВТ, дипломатическим союзником в противостоянии против США и ряда других стран, изолирующих ИРИ, препятствием для возможных экспансионистских устремлений Азербайджана, союзником в ограничении террористической и другой угрозы со стороны Афганистана.

Но вместе с тем в российско-иранских отношениях присутствует и определенная потенциальная угроза. Это прежде всего продолжающийся конфликт в Чечне, наличие известных претензий ИРИ на транспортировку каспийской нефти и газа, расхождения в подходах ИРИ и России к вопросу о размере долей раздела морского дна Каспия.

В условиях недостаточного экономического развития России Иран может изменить внешнеполитические приоритеты и завязать более тесные и всесторонние отношения со странами Запада. Существует опасность, что с развитием культурных, экономических, военных связей стран Центральноазиатского региона с Ираном в них могут усилиться проиранские тенденции.

Но это взгляд на перспективу, что необходимо учитывать при строительстве российско-иранских отношений. Уровень и насыщенность политического диалога и взаимодействие последних двух лет (2000—2001) свидетельствуют, что обе страны объединяет общее видение многих основных параметров современной обстановки в мире.

Все более тесно наши страны взаимодействуют в сфере международной безопасности, не приемлют попыток навязать миру однополюсность, поддерживают инициативу президента ИРИ М. Хатами относительно диалога цивилизаций¹⁵. С 12 по 14 марта 2001 г. состоялся государственный визит в РФ президента ИРИ М. Хатами. Его результатом явилось подписание «Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ» и других важных документов. Все они направлены на расширение и укрепление российско-иранского сотрудничества в самых различных сферах экономики, политики и культуры.

Арунова М.Р. РФ—ИРИ. Политический диалог: 1999—2000. // Ислам и власть. М., 2001. С. 185.

РОССИЯ — ИРАН: ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА (2000 — 2001 гг.)

На российско-иранской конференции в апреле 2000 г. темой нашего выступления было рассмотрение политического диалога между Россией и Ираном в 1999—2000 гг. В последующий год этот диалог весьма активно развивался. В рамках небольшого по объему выступления не представлялось возможным не только проанализировать вопросы, обсуждавшиеся на многочисленных встречах, визитах, консультациях, но и перечислить их. Однако нельзя особо не подчеркнуть, что высокий уровень диалога и его насыщенность определялись общим видением представителями РФ и ИРИ многих основных параметров современной обстановки в мире. Наши страны все более тесно взаимодействуют в сфере безопасности, не приемля попыток навязать миру однополюсность и выступая за примат международного права против использования силы в международных отношениях в обход Устава ООН.

Как совокупные друг другу в России рассматривают инициативу президента ИРИ М.Хатами относительно диалога цивилизаций и предложенную Москвой Концепцию мира в XXI веке.

Несомненно важным и знаковым событием в российско-иранском диалоге стала встреча президентов РФ и ИРИ В.В.Путина и М.Хатами, состоявшаяся в Нью-Йорке в сентябре 2000 г. в рамках Саммита Тысячелетия. В ходе этой встречи была подтверждена их готовность осуществить обмен визитами на высшем уровне.

Официальный визит президента Ирана М.Хатами в Россию состоялся 12—15 марта 2001 г., открыв принципиально новую страницу в развитии разносторонних контактов и связей двух наших стран.

В обстановке доверительности и взаимопонимания главы РФ и ИРИ провели обмен мнениями по широкому кругу двусторонних, региональных и глобальных проблем. При этом было подтверждено, что взаимное сотрудничество в политической, экономической, научно-технической, культурной и иных областях, а также на международной арене отвечает национальным интере-

сам ИРИ и РФ, не направлено против третьих стран и играет важную роль в деле поддержания мира и стабильности на региональном и глобальном уровнях.

Заявив о намерении продолжать сотрудничество в создании стабильной безопасности, справедливой и демократической системы международных отношений, оба президента высказывались против применения силы или угрозы ее применения в нарушении Устава ООН и в обход Совета Безопасности ООН, а также против вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом «гуманитарной интервенции» или «ограниченного суверенитета». При этом была констатирована важность тесного взаимодействия всех государств в целях достижения всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем, особенно в сфере ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также неукоснительного соблюдения имеющихся в этой области договоров и полного выполнения взятых обязательств.

В контексте обоюдной заинтересованности в расширении не только политических, но и технико-экономических и торговых отношений, отношений в области культуры и науки стороны подробно обсудили вопросы создания механизмов финансирования проектов двустороннего сотрудничества.

Касаясь технико-экономического сотрудничества в целом, стороны заявили о решении продолжать и расширять его, включая и область мирного использования атомной энергии. Рассматривая этот вопрос, стороны подтвердили свою приверженность обязательствам, вытекающим из их участия в Договоре о нераспространении ядерного оружия и дали поручения своим министерствам и ведомствам подготовить совместный документ о принципах сотрудничества в мирном использовании атомной энергии.

Отметим в этой связи, что, комментируя визит в Москву президента М.Хатами, СМИ некоторых стран безосновательно сообщали о подписании каких-то тайных договоренностей между ИРИ и РФ, в том числе в сфере военно-технического сотрудничества. Однако на деле на этот счет не было подписано ни одного документа. На встрече президентов двух стран 12 марта 2002 г. в Кремле было официально заявлено, что Иран не претендует на вооружения, которые находятся за рамками его международных обязательств, а Россия, со своей стороны, также не станет нарушать свои международные обязательства в этой области.

При обсуждении региональных проблем лидеры РФ и ИРИ отдельно рассмотрели перспективы двустороннего и многостороннего сотрудничества касательно Каспийского моря. И если ранее точки зрения сторон по этой проблеме не всегда совпадали, то ныне в специальном совместном Заявлении они единодушно высказались за скорейшее нахождение приемлемых для всех пяти прикаспийских государств развязок по вопросу определения правового режима Каспия, исходя из того, что в данном регионе все проблемы должны решаться расположенными здесь странами на основе консенсуса без вмешательства внерегиональных сил. При этом в пункте 6 документа стороны открыто заявили о своем неприятии прокладки по дну моря любых транскаспийских нефте- и газопроводов, являющихся опасными в экологическом отношении в условиях чрезвычайно активной геодинамики.

Рассматривая вопросы сотрудничества на Каспийском море, стороны (и это следует особо подчеркнуть) заявили о признании Договора между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г., Договора о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. и приложения к нему в качестве правовой основы, регулирующей в настоящее время деятельность на Каспии. До усовершенствования правового режима Каспийского моря стороны заявили о непризнании никаких границ на море и с учетом указанной основы развивают сотрудничество на Каспии в различных областях посредством разработки необходимых правовых механизмов.

Помимо совместного Заявления по правовому статусу Каспийского моря, в ходе визита М.Хатами в Россию были также подписаны соглашения о строительстве в Иране ТЭС «Табас», об устройстве угольного месторождения «Мазико» и меморандум о взаимопонимании по разработке и изготовлению телекоммуникационного спутника «Зохре».

Теперь, хотя бы кратко, остановимся на некоторых других проблемах макрорегиона Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии, рассматривавшихся на встрече руководителей РФ и ИРИ. Так, в частности, подчеркнув озабоченность в связи с конфликтами в Центральной Азии и Закавказье, препятствующими нормальному развитию государств, их тесному взаимодействию, президенты двух стран приветствовали завершение процесса политического урегулирования и установления национального согласия в Таджикистане, высказавшись при этом в поддержку курса

таджикского руководства на решение задач постконфликтного миростроительства, включая восстановление и подъем экономики и социальной сферы, развитие демократических институтов и проведение социально-экономических преобразований.

С близких или совпадающих позиций президенты РФ и ИРИ обменялись мнениями о ситуации в Афганистане и вокруг него. Было заявлено, что мирное урегулирование через межафганский политический диалог с целью формирования широкопредставительного и многоэтнического правительства — единственно возможный выход из братоубийственной войны в этой стране. Выражая сожаление в связи с бедственным положением афганского народа и призывая мировое сообщество оказать содействие в облегчении его участи, РФ и ИРИ выступили с осуждением экстремизма руководства Движения талибов, не оставляющего планов военного решения афганской проблемы и его поддержку международного терроризма и незаконной торговли наркотиками, а также осуществление талибами массовых этнических чисток и грубое нарушение норм международного гуманитарного права. Была подчеркнута важность неукоснительного выполнения резолюции №1333 Совета Безопасности для создания предпосылок к мирному разрешению афганского кризиса. Российская сторона предложила Ирану создать совместную рабочую группу по Афганистану. Сейчас этот вопрос находится в стадии разработки.

При обсуждении ситуации вокруг Ирака стороны признали необходимым скорейший выход иракского урегулирования из создавшегося тупика без использования силовых методов и в полном соответствии с нормами и принципами международного права. Наиболее оптимальным вариантом разблокирования сложившейся ситуации был назван пакетный подход, предусматривающий четкие перспективы приостановки, а затем и отмены санкций в увязке с разворачиванием в этой стране международного разоруженческого мониторинга.

Какаясь кризисной ситуацией вокруг палестинских территорий, ИРИ и РФ признали такое урегулирование проблемы, в рамках которого народ Палестины смог бы реализовать свое законное право на самоопределение и создание независимого государства.

Подводя итог краткому рассмотрению ряда вопросов и подходов к ним со стороны руководителей РФ и ИРИ, следует особо подчеркнуть, что важнейшим результатом этого визита явилось подписание Договора об основах взаимоотношений и принципах

сотрудничества между нашими странами. В Договоре, прежде всего, говорится о том, что развитие взаимоотношений и сотрудничества соответствует коренным интересам обоих государств. РФ и ИРИ стремятся развивать эти отношения на более широкой и долгосрочной основе в политической, торгово-экономической, научной, технической, культурной и других областях и убеждены в том, что в современном мире международные проблемы должны решаться только в соответствии с закрепленными в Уставе ООН принципами суверенного равенства, политической независимости, территориальной целостности, мирного урегулирования споров, неприменения силы и невмешательства во внутренние дела государств. При этом нельзя не отметить, что весьма важное, если не главное, внимание в Договоре уделено сотрудничеству по проблемам мира и безопасности. Так, каждая из сторон взяла на себя обязательство не применять во взаимных отношениях силу или угрозу силой, не использовать свою территорию для совершения агрессии, подрывных и сепаратистских действий против другой стороны, а все угрозы, которые могут возникнуть между ними, решать только мирными средствами.

В Договоре также обозначено, что если одна из сторон подвергнется агрессии какого-либо государства, другая сторона не должна оказывать никакой военной или иной помощи агрессору, способствующей продолжению агрессии, и будет содействовать тому, чтобы возникшие разногласия были урегулированы на основе Устава Организации Объединенных Наций и норм международного права (ст. 2, 3, 4).

Подчеркнув необходимость дальнейшего повышения роли и эффективности деятельности ООН как универсального инструмента поддержания мира и международной безопасности, стороны в то же время зафиксировали в Договоре намерения проводить регулярные консультации с целью координации своих усилий в области безопасности, нераспространения и экспортного контроля и взаимодействовать в продвижении процесса разоружения, сокращения и, в конечном счете, ликвидации всех видов оружия массового уничтожения (ст. 16).

Вопросы мира, безопасности и сотрудничества РФ и ИРИ в этом направлении нашли свое отражение и в других статьях Договора. В частности, в ст. 18 стороны, особенно учитывая обстановку в регионе, заявили о своем намерении сотрудничать в целях искоренения международного терроризма, борьбы с захва-

том заложников, незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружием и т.п.

Помимо развития двусторонних российско-иранских отношений и сотрудничества в области безопасности РФ и ИРИ заявили о намерении развивать такое сотрудничество и на региональном уровне, вести переговоры и принимать необходимые меры по укреплению стабильности, обеспечению безопасности и повышению уровня сотрудничества в регионе.

В случае возникновения ситуации, нарушающей мир и безопасность или несущей в себе угрозу их нарушения, либо способной послужить причиной международной напряженности, стороны считают необходимым незамедлительно приступить к консультациям друг с другом для обсуждения мер, которые могут быть приняты для урегулирования такой ситуации (ст. 13, 14).

Придавая важное значение проблемам экологии РФ и ИРИ договорились о сотрудничестве в этой области путем обмена опытом в рациональном использовании природных ресурсов, внедрении экологически чистых технологий, проведении мероприятий по охране и восстановлению окружающей среды. Стороны обязались оказывать друг другу возможную помощь и в предотвращении стихийных бедствий, ликвидации их последствий и содействовать разработке международной стратегии в области охраны окружающей среды (ст. 17).

Что касается развития экономических отношений в целом, то в Договоре закреплено, что обе страны будут расширять эти отношения, создавая благоприятные юридические, экономические, финансовые и коммерческие условия для двусторонней и многосторонней деятельности и совместных капиталовложений на территориях друг друга и в третьих странах, а также содействовать развитию долгосрочных и взаимовыгодных связей с целью реализации совместных проектов в области транспорта, энергетики (включая мирное использование атомной энергии и строительство атомных электростанций), промышленности, науки и техники, сельского хозяйства и здравоохранения. Одновременно стороны договорились проводить регулярные консультации и обмениваться информацией и опытом в экономической и научно-технической областях в целях более полного взаимного ознакомления и использования потенциала обеих стран в этих сферах (ст. 5, 6, 7)

Несколько статей Договора непосредственно касаются реализации идеи о диалоге цивилизаций. В них, в частности, говорится

о том, что РФ и ИРИ, придавая важное значение межэтническому и межконфессиональному согласию, будут добиваться его укрепления, содействовать расширению взаимодействия общественных организаций, фондов, религиозных организаций, молодежных и женских общественных объединений, дальнейшему сотрудничеству в области культуры, науки, образования, спорта и в других гуманитарных областях. В этих целях будут поощряться непосредственные контакты между университетами, научными, культурными и религиозными центрами, архивными учреждениями, музеями и библиотеками, а также организациями, осуществляющими свою деятельность в сфере науки, культуры, искусства. Стороны будут взаимодействовать в области печати и издательского дела с целью поощрять обмен информацией и сотрудничество между информационными службами и средствами массовой информации двух стран. При этом отдельно отмечено, что стороны будут поощрять изучение русского языка в Иране и персидского языка в России.

Для определения конкретных направлений и параметров этого сотрудничества стороны заключат отдельные соглашения в различных сферах (ст. 8, 9, 10, 19).

Кроме того, в Договоре зафиксировано стремление РФ и ИРИ всемерно содействовать развитию и углублению межпарламентских связей, в том числе укреплению контактов между парламентскими группами дружбы (ст. 11).

Как мы видим, Договор содержит намерения и обязательства РФ и ИРИ по широчайшему кругу важнейших политических, экономических и гуманитарных проблем современности и при этом ни в коей мере не затрагивает права и обязательства сторон, вытекающих из двусторонних и многосторонних договоров, действующих между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, а также между ними и другими странами (ст. 20).

Договор подлежит ратификации и вступит в силу с даты обмена ратификационными грамотами и заключен сроком на десять лет с автоматическим продлением на последующие пятилетние периоды, если ни одна из сторон не уведомит другую сторону в письменной форме не менее чем за один год до истечения соответствующего периода о своем намерении прекратить его действие.

Представляется, что даже краткая информация о российско-иранском диалоге в 2000—2001 гг. и положениях Договора от

12 марта 2001 г. об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества РФ и ИРИ убедительно свидетельствует о том, что ныне открыта принципиально новая страница в отношениях наших стран, закреплён высокий уровень этих отношений и заложена правовая основа двусторонних связей в XXI веке.

В новой международной обстановке, сложившейся после террористических актов в США 11 сентября 2001 г., руководство Ирана подтвердило свою готовность к продолжению тесного взаимодействия с Россией по всем направлениям. Иранская сторона разделяет российскую позицию в пользу усиления роли международных институтов, которые были созданы для укрепления международной безопасности, выступает за совершенствование международно-правовой базы борьбы с терроризмом и экстремизмом.

В укреплении сотрудничества с Россией Иран видит основной путь к недопущению изменения геополитического баланса сил в Центральной Азии и прилегающих регионах.

Продолжается регулярный политический диалог с Ираном, охватывающий широкий спектр двусторонних, региональных и международных вопросов, включая проблемы Афганистана, Таджикистана, Закавказья, Каспийского моря, ситуации вокруг Ирака и БВУ. В течение последних месяцев актуальные проблемы мировой политики обсуждались в телефонных разговорах В. В. Путина и М. Хатами 24 сентября 2001 г., а также И. С. Иванова и К. Харрази 6 августа, 17 сентября, 10 и 23 октября 2001 г.

В сентябре—ноябре 2001 г. в Москве и Тегеране состоялись несколько раундов межмидовских консультаций по региональной проблематике с акцентом на ситуации в Афганистане и вокруг него.

Необходимо отметить, что важность и эффективность тесного взаимодействия с Тегераном особо проявилась в тех условиях, когда Афганистан вновь вышел на передний план мировой политики.

Значение Ирана как важного фактора региональной стабильности фактически признали западные государства, представители многих из которых (мининдел Великобритании, Германии, Италии, Канады, эмиссары Франции, Японии, Евросоюза) побывали в Тегеране в сентябре—ноябре 2001 г., стремясь обеспечить подключение Ирана к антитеррористической коалиции (на практике Иран внес значительный вклад в антиталибскую операцию, оказывая существенную помощь силам Объединённого фронта). Вашинг-

тон, будучи крайне заинтересованным в привлечении Тегерана на свою сторону в связи с операцией в Афганистане, все же не смог преодолеть антииранский синдром и продолжил общение с иранцами через посредников. Россия в этих условиях активизировала взаимодействие с иранской стороной, как на двусторонней основе, так и в рамках ООН, по вопросам постконфликтного политического урегулирования в Афганистане.

К сожалению, несмотря на возросшую интенсивность контактов, не удалось достичь прогресса по вопросу правового статуса Каспийского моря. Двусторонние консультации на уровне заместителей министров иностранных дел в Москве и Тегеране, а также встреча заместителей министров иностранных дел каспийской «пятерки» в Астане 20 сентября 2001 г. и последующие контакты показали, что иранцы пока не намерены отступить от своего требования о предоставлении Ирану 20% площади морского дна.

Важным этапом в реализации договоренностей о развитии военно-технического сотрудничества с Ираном стал состоявшийся в начале октября 2001 г. официальный визит в Россию Министра обороны Ирана А.Шамхани. Было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о военно-техническом сотрудничестве, которое создает правовую базу для дальнейшего развития взаимовыгодных связей в этой области. Следует отметить, что данное соглашение является рамочным и в нем не содержится упоминаний конкретных видов поставляемого военного имущества, стоимости и сроков реализации контрактов.

В атомно-энергетической сфере наметились позитивные сдвиги. Российская сторона поставила на площадку строящейся АЭС в Бушире первую партию крупногабаритного оборудования и приступила к монтажным работам. Иранская сторона заявила о готовности начать рассмотрение вопросов о строительстве при содействии России новых блоков АЭС.

Продолжается проработка с иранской стороной целого ряда крупных экономических проектов в области топливно-энергетического комплекса, транспорта, самолетостроения, мирного использования космоса. Оценить степень готовности соглашений по этим проектам и придать импульс ускорению их подготовки призвана предстоящая встреча сопредседателей Постоянной Российско-Иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: РОССИЯ — ИРАН

Предлагаемая тема практически неисчерпаема. Наше выступление лишь небольшой штрих, затрагивающий по касательной важнейшую и многогранную проблему взаимодействия цивилизаций. Это скорее предложения к постановке данной проблемы.

Что такое цивилизация?

Это сложный вопрос, на который ученые дают самые разнообразные ответы, поскольку само понимание цивилизации многогранно и неоднозначно: от синонима культуры до определения всего земного бытия человечества.

Представляется, что наиболее близкой к целям моего выступления является дефиниция цивилизации, предложенная российским ученым Н.С.Симония, которую он определяет как «исторически сложившееся единство материальной и духовной культуры, продукт весьма длительного существования более или менее стабильной этнодемографической общности, занявшей определенный ареал ойкумены».

Английский мыслитель Арнольд Тойнби насчитал 21 крупную цивилизацию в истории человечества, из них до нас дошли четыре: христианская, индуистская, дальневосточная и исламская. В целом, постановка вопроса о цивилизациях представляет собой не только сугубо теоретическую ценность, но и, безусловно, практическую и даже более конкретно — политическую. Поскольку многие политики, историки высказывают мысль, что XXI век будет веком разнообразных взаимосвязей, взаимовлияния различных цивилизаций, причем самого многостороннего характера от конфронтации, противоборства, конкуренции — до сотрудничества и обогащения друг друга. Например, Сэмюэль Хантингтон считает, что «главные конфликты... будут происходить между нациями и группами, принадлежащими к различным цивилизациям. Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике».

Так ли это? Думается, что нет. И то, что Генеральная Ассамблея ООН практически единогласно поддержала идею президента Ирана г-на Мохаммада Хатами о диалоге между цивилизациями, подтверждает это.

Но все же для объективного ответа на этот вопрос требуется, конечно, углубленное, широкомасштабное исследование предмета, причем с различных сторон, под различными углами зрения и не одним ученым, не одним НИИ. Ведь речь идет о взаимодействии множества субъектов цивилизационного процесса, каждый из которых миллиардами нитей связан с другими, в комплексе и составляющими то, что мы называем цивилизационными процессами.

Об идее диалога цивилизаций

Как известно, 2001 год провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН годом диалога цивилизаций. Прекрасную, прогрессивную идею, содержащую новую модель развития международных отношений, предложил президент Ирана г-н Мохаммад Хатами.

Он призвал к участию в диалоге не только философов, ученых, теологов, но также художников и поэтов, для которых, по словам президента ИРИ, «море, горы и леса не являются только источником энергии, нефти и полезных ископаемых». Хатами выразил надежду, что «закончилась эра злобы и насилия, что во вселенной зазвучит голос любви к истине, голос справедливости и уважения к человеку». Прекрасные слова, романтические и возвышенные. Но, наверное, во многом опережающие наше время.

Диалог цивилизаций: Россия — Иран

Действительно. Не все так просто в вопросе о диалоге цивилизаций, как нам всем представляется.

Выступая в Нью-Йорке на конференции, где обсуждался вопрос диалога цивилизаций Мохаммад Хатами, в частности, заметил: «Кажется, настало время для того, чтобы современная западная цивилизация, основанная на декартовско-фаустовской трактовке бытия, прислушалась и к другим трактовкам и точкам зрения, распространенным и в других интеллектуальных и культурных сферах жизни человечества». Имеется в виду, чтобы именно Запад воспринял другие, в том числе и исламские ценности, а не произошло бы естественное для любого диалога взаимное восприятие ценностей друг друга. Но тогда, извините, конечно, это не диалог — это лекция для студентов. И надо с сожалением отметить, что такое понимание диалога, а точнее лекции, осуществляется Ираном на практике. Возьмем, к примеру, российско-иранский диалог в области культуры. Уже все российские иранисты написали, сколько в Москве было вечеров персидской поэзии, выставок миниатюр, каллиграфии, книжных ярмарок, кон-

цертов иранской музыки, дней кино и так далее. Но почему в Тегеране не выступает танцевальный ансамбль Игоря Моисеева, народный хор имени Пятницкого, русский балет, опера, цирк, не проводятся концерты русской классической музыки, выставки русской классической и современной живописи. То есть всего того, что составляет основу русской, российской культуры, признанной во всем цивилизованном мире. Почему-то в Тегеране нет центра Русской культуры, нет изданий, показывающих жизнь России. Получается какой-то односторонний диалог. Это можно расценить, как определенный клапан, который выпускает культурно-идеологическую продукцию из Ирана, а в Иран ничего, что шло бы НЕ в русле исламских ценностей, т. е. НЕ в русле исламской цивилизации, не допускается.

В этой связи вспоминаются благодатные времена лидера СССР, Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева с его идеей мирного сосуществования, которые, как оказалось в результате сопоставительного анализа, так близки к идее диалога цивилизаций президента Хатами.

Безусловно, иранский лидер внес чрезвычайно позитивное, миротворческое начало в проблему взаимосвязей цивилизаций. Это более оптимистичный взгляд в будущее в отличие от взглядов знаменитого Сэмюэля Хантингтона, считающего, что «столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике».

Однако идея Хатами уж очень напоминает новую редакцию «политики мирного сосуществования», провозглашенную лидером СССР Никитой Сергеевичем Хрущевым в конце 50-х годов.

Обе идеи априори делят мир по принципу: «мы — они», «свои — чужие». Более того, «политика мирного сосуществования» рассматривалась идеологами ЦК КПСС как продолжение классовой борьбы между социализмом и капитализмом другими (в отличие от Сталина) методами в новую историческую эпоху. Предполагалось, наращивая военную и экономическую мощь СССР, не допустить при этом возможности возникновения большой ядерной войны, развивать в допустимых пределах (экономически выгодных Москве) отношения с Западом, при этом одновременно всемерно усиливать идеологическую войну против него, и не допускать проникновения чуждой идеологии в «единомыслящий» Советский Союз, обеспечивать условия для создания мировой коммунистической цивилизации путем экспорта революции по-кремлевски.

А что мы наблюдаем в современном Иране? Простите, конечно, за не совсем дипломатическую и корректную прямоту — ту же борьбу с экспансией западной культуры, с влиянием Запада. Сегодня многие сравнивают г-на Хатами с г-ном Горбачевым. Правомерно ли это? Думаю нет. Хатами, скорее — аятолла Хрущев.

Таким образом, понимание цивилизационного диалога у современной России и Ирана (в отличие от бывшего СССР) несколько отличается. Иран призывает к участию в диалоге философов, ученых, теологов, художников, поэтов. Это, конечно, прекрасно, как говорится, на высоком космическом уровне, и нужно. Но здесь нет политиков, экономистов, политологов, аналитиков, которые и работают в прямом смысле — на земле, на полях цивилизационных диалогов. Я же считаю такой подход несколько односторонним. Сегодня мир пропитан политикой, которая сочится и капает даже из идеи о диалоге цивилизаций. Поэтому и политики, и экономисты, и политологи, и аналитики должны стать рабочими лошадками (или, по-восточному — трудовыми осликами), выводящими народы на путь продуктивного диалога.

Однако, совсем не хочется завершать свое краткое выступление в минорной тональности.

Прекрасная идея президента Мохаммада Хатами является, безусловно, той путеводной звездой, которая должна вести все человечество в будущее без войн и конфронтаций. И надо отдать должное самому президенту ИРИ и его концепции, которая уже сегодня, в этом совсем не идеальном мире приносит свои плоды. Два примера. В Центральной Азии началось осуществление проекта «Сеть посланников доброй воли», который должен помочь предотвратить возможные приграничные конфликты между государствами региона. В Киргизии, Узбекистане и в Таджикистане созданы группы неофициальных посредников или «народных дипломатов», в которых собрались люди, пользующиеся уважением в Центральной Азии. В частности, от Киргизии в проекте участвует известный писатель Чингиз Айтматов. Второй пример. Для предварительного обсуждения проблем диалога между цивилизациями и культурами в Тегеране дважды побывали представители Русской Православной Церкви, а во время официального визита президента Ирана Мохаммада Хатами в Россию состоялась его беседа, касающаяся этих проблем, с патриархом Алексием II.

Мы в России считаем и верим, что, несмотря ни на что, у идеи диалога между цивилизациями есть будущее.

Е. В. Дунаева

КАСПИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ МОСКВЫ

(к вопросу об изменении позиции России
по вопросу правового статуса Каспийского моря)

Политика Москвы по каспийской проблеме за последние годы претерпела значительные изменения. Еще в начале 90-х годов, когда на берегах Каспия появились новые государства, и море стало общим уже для пяти государств, Россия, исходя из сложившейся исторической традиции и заключенных ранее с Ираном договоров, предлагала сохранить существующий статус, т. е. оставить море в общей собственности всех прикаспийских государств. Она категорически отвергала требования новых государств о делении моря на экономические национальные зоны и подвергала резкой критике их стремления начать нефтяные разработки на шельфе. Однако активное проникновение в регион международных нефтяных корпораций, заключивших контракты с руководством новых прикаспийских государств, участие российских компаний в ряде проектов и их нажим на государственные структуры оказали определенное влияние и на политику РФ в регионе. Москва была вынуждена пойти на определенный компромисс в вопросах правового статуса моря, о чем было заявлено министром иностранных дел России на встрече глав внешнеполитических департаментов прикаспийских государств в ноябре 1996 г.

В 1997 г. соперничество между прикаспийскими государствами усилилось, что напрямую связано с борьбой за нефтяные месторождения, различными подходами к вопросу о возможных путях прокладки газо- и нефтепроводов, усиливающимся вмешательством в дела региона третьих стран, прежде всего США, объявивших Закавказье и Среднюю Азию зоной своих национальных интересов.

Несомненно, что нерешенность проблемы юридического статуса Каспийского моря серьезно осложняет и замедляет осуществление проектов по добыче и транспортировке углеводородных ресурсов. В условиях отсутствия международно-правовых гарантий стремление к получению сиюминутных экономических выгод

толкает прикаспийские государства к односторонним действиям по захвату нефтяных месторождений, что провоцирует конфликты между ними.

Российские нефтяные компании также стремились получить свою долю нефтяного «пирога». В июле 1997 г. между Государственной нефтяной компанией Азербайджана и российскими компаниями Роснефть и Лукойл было подписано соглашение о разведке, разработке и долевом участии в разделе нефти на месторождении Д-222. Однако, по мнению Туркменистана, эта зона подпадала под его юрисдикцию.

Этот вопрос был улажен после того, как российская сторона была вынуждена официально признать, что не владела полной информацией по данному вопросу. Косвенно руководству России пришлось заявить о наличии туркменского сектора моря, установленного еще в советское время. Вопрос о делении Каспийского моря на секторы вновь был поднят на повестку дня в декабре 1997 г. в связи с проведением Россией тендера на разработку нефтяного месторождения в северной части Каспийского моря, на которое выдвинул претензии Казахстан. Такое развитие событий свидетельствовало о том, что идея раздела Каспия на национальные секторы становится реальностью.

Начало 1998 г. ознаменовалось активизацией российской дипломатии в каспийском регионе. В январе состоялась встреча президентов России и Казахстана, в ходе которой была достигнута предварительная договоренность сторон о делимитации казахстано-российской части дна моря на основе принципа равноудаленных от противоположащих берегов точек. При этом отмечалось, что водная поверхность останется в общем пользовании всех прикаспийских государств. Стороны также высказались в поддержку Конвенции о правовом статусе Каспия, выработанной еще в 1994 г. Это свидетельствовало об отходе России от первоначальной позиции общей собственности и поддержке линии деления моря на экономические секторы вопреки исторически установленным правовым нормам.

6 июля 1998 г. Президенты России и Казахстана подписали Соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях реализации суверенных прав на недропользование. Предусматривалось создание комиссии по определению координат срединной линии, которая будет разделять национальные секторы двух государств.

Такие действия шли вразрез с постоянными заявлениями России и Казахстана о необходимости урегулирования правовых вопросов на основе коллективного согласия и свидетельствовали о том, что Россия на практике также перешла на позицию раздела моря в угоду интересам крупных нефтяных компаний.

С резкой критикой по поводу изменения политики России на Каспии выступил Иран, который фактически остался в одиночестве. Осознав, что деление моря уже идет полным ходом, ИРИ выдвинула предложение о разделе Каспия на основе равных долей, которое было впервые поставлено на обсуждение в ходе визита Президента Туркменистана С.Ниязова в Иран в июле 1998 г. Руководители двух государств подписали совместное заявление, в котором отмечалось, что «наиболее оптимальным вариантом, отвечающим интересам всех прикаспийских государств, является принцип сохранения определенной национальной зоны при общей срединной части моря. Пределы национальных зон и способы совместного использования Каспийского моря в таком варианте будут определяться дополнительными соглашениями. Стороны подчеркнули, что в случае секторального деления моря между прибрежными государствами в основе будет лежать принцип равенства и справедливого использования ресурсов Каспия»¹

В конце июля 1998 г. в Тегеран прибыл первый заместитель министра иностранных дел России Б.Н.Пастухов для урегулирования возникших разногласий и разъяснения сути российско-казахстанских соглашений. В Совместном заявлении, подписанном в ходе визита, подчеркивалось, что Соглашение России и Казахстана «не ущемляет прав других прикаспийских государств, в том числе Ирана, не создает особого правового статуса для Северного Каспия. Стороны в принципиальном плане согласились с возможностью равного и справедливого раздела дна Каспийского моря между пятью прибрежными государствами и договорились продолжить консультации по методике определения приемлемой линии раздела»². Российская сторона также выразила убеждение, что при условии раздела дна моря необходимо сохранить в общем пользовании водную толщу и поверхность с ее биологическими ресурсами, обеспечить свободу судоходства, определить нормы рыболовства и защиты окружающей среды»³.

Совместное заявление Президента Туркменистана С.А. Ниязова и Президента ИРИ С.М. Хагами. // Независимый Туркменистан. 09.07.1998.

Дипломатический вестник, №8, 1998. С. 18.

См. там же.

Итак, к середине 1998 г. стало ясно, что все прикаспийские страны, в том числе и Россия, готовы поддержать идею раздела моря, но на каких условиях будет проходить этот раздел еще предстоит договориться.

Иран выступил с идеей раздела моря на основе равных прав всех прикаспийских государств. Такой раздел (т. е. по 20% каждой стороне) выгоден Ирану, морской сектор которого при условии делимитации моря по средней линии составляет 12%. Этот принцип вряд ли сможет быть приемлем для других прикаспийских государств. Однако необходимо отметить, что руководство страны прилагает активные усилия по убеждению всех прикаспийских государств в необходимости скорейшего определения правового статуса Каспия, так как считает, что чем дольше затянется решение этого вопроса, тем выше вероятность вмешательства иностранных государств в его решение.

Изменения позиций двух государств — традиционных пользователей моря — были обсуждены на втором заседании Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспия, состоявшемся в декабре 1998 г. в Москве. Представитель России предложил в качестве первого этапа решения проблемы провести раздел моря по дну: «От береговой кромки каждого государства будет идти согласованной ширины зона пограничного, таможенного, санитарного и иного контроля, которая явится своего рода аналогом территориальных вод, назовем ее условно контрольной зоной. Опять же от береговой линии будет установлена прибрежная рыболовная зона шириной до 20 миль по согласованию, в которой будут ловить рыбу только суда под флагом соответствующего государства. И все, далее — никаких зон, никаких границ по воде»⁴. Однако и на этом заседании дальше обсуждений дело не пошло. В Коммюнике по итогам встречи было отмечено некоторое сближение позиций пяти государств, на практике же Азербайджан и Туркменистан выступали за полный раздел моря, Казахстан и Российская Федерация придерживались идеи раздела только дна, Иран заявлял о возможности поддержать полный раздел, но отдавал предпочтение режиму кондоминиума.

⁴ Независимая газета. 22.12.1998. Коммюнике о работе второго заседания Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Дипломатический вестник, № 1, 1999. С. 31.

На протяжении 1999 г. прибрежные государства, с одной стороны, продолжали консультации и переговоры по урегулированию правовых вопросов, с другой стороны, активно используя поддержку стран Запада, занимались разведкой и бурением нефтяных скважин на шельфе, а также продвижением своих вариантов экспорта углеводородов на международные рынки.

Между тем военно-политическая обстановка на берегах Каспия и прилегающих районах обострялась, что выражалось в усилении проамериканских настроений в Азербайджане и Туркменистане, заявлениях азербайджанских деятелей о возможности размещения военных баз НАТО на его территории, распространении идей исламского фундаментализма и попытках создания исламского государства на территории Дагестана, стремлении чеченских сепаратистов прорваться к берегам Каспия, обострении ситуации на границах среднеазиатских государств. В результате подписания в ноябре 1999 г. на саммите ОБСЕ в Стамбуле Межправительственной декларации о принципах реализации транскаспийского трубопровода и двух других документов по экспортным газопроводам Россия на практике оказалась выкинутой из основных экономических проектов этого региона. Такое развитие событий увеличивало угрозу национальным интересам и безопасности России. К сожалению, отсутствие единства мнений и последовательной, тщательно проработанной внешнеполитической линии государства в этом регионе значительно ослабляло ее позиции. Необходимо отметить, что с одной стороны, на выработку государственной политики в этом регионе сильное давление оказывали нефтяные компании, стремившиеся активно участвовать во всех нефтяных играх на Каспии, а для этого им было необходимо официально закрепить свой кусок моря. С другой стороны, некоторые государственные деятели и, прежде всего, депутаты Государственной Думы, так и не ратифицировавшие соглашения с Казахстаном, резко критиковали позицию правительства в Каспийском регионе и требовали вернуться к позиции незыблемости режима Каспия, в том виде, в каком он предусмотрен Договорами 1921 и 1940 гг.

Председатель комитета Государственной Думы по безопасности В.И.Илюхин в статье «Угроза безопасности нарастает» подчеркивал, что «политическая напряженность в Каспийском бассейне требует срочного разрешения и выработки единого стратегического подхода к проблеме <...> долгосрочным интересам всех прикаспийских государств отвечает не национальный секторальный

раздел моря, который активно лоббируют ведущие западные державы и транснациональные нефтегазовые компании, не разграничение дна Каспия, а принцип общего влияния всех прикаспийских государств»⁵.

С начала 2000 г. наблюдается активизация российской дипломатии в Каспийском регионе. Возросло понимание стратегической важности региона. В новой Концепции внешней политики Российской Федерации заявлено, что для осуществления основных внешнеполитических приоритетов необходимо главные усилия направить на «формирование пояса добрососедства по периметру российских границ, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах». Особо подчеркивается, что «рассматривая Большое Средиземноморье как связующий узел таких регионов, как Ближний Восток, Черноморский регион, Кавказ, бассейн Каспийского моря, Россия намерена проводить целенаправленный курс на превращение его в зону мира, стабильности и добрососедства, что будет способствовать продвижению российских экономических интересов, в том числе в вопросе выбора маршрутов прохождения важных потоков энергоносителей»⁶.

Отметим, что интересы России на Каспии не ограничиваются нефтегазовой сферой, хотя в настоящий момент им придается большое политическое значение. Не меньшую важность представляют биологические ресурсы моря, которым грозит экологическая катастрофа, а также его транспортный потенциал. Россия может стать важным транспортным коридором между европейскими странами и Ираном, государствами Персидского залива и Южной Азии. Все прикаспийские государства понимают экономическую целесообразность использования Волжско-Балтийской системы.

Для развития плодотворного и взаимовыгодного экономического сотрудничества в Каспийском регионе в интересах всех государств необходимо сохранение мира и стабильности, урегулирование всех разногласий путем переговоров, а не конфронтации. Начиная с 2000 г. руководство России, предпринимает более активные меры для укрепления своей роли в регионе и ускорения переговорного процесса по урегулированию статуса моря, опира-

⁵ *Илюхин В.* Угроза безопасности нарастает. // *Вестник Каспия*, №6, 1999. С. 48. Концепция внешней политики Российской Федерации. // Информационный бюллетень МИД РФ. 10 июля 2000 г

ясь на утвержденную еще в августе 1999 г. Программу действий по обеспечению стратегических интересов России в Каспийском море. В мае 2000 г. был учрежден пост специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам урегулирования статуса Каспия, на который был назначен заместитель министра иностранных дел и бывший министр топлива и энергетики В.И.Калюжный. Летом он совершил турне по прикаспийским государствам, во время которого предпринял попытки разъяснить позицию России по этому вопросу. Москва выступила с рядом новых инициатив. Вновь заявив о неизбежности договоров 1921 и 1940 гг., представитель Президента поставил на обсуждение предложение о разделе по срединной линии между Азербайджаном, Казахстаном, Туркменистаном и Россией морской территории бывшего Советского Союза и совместном использовании спорных месторождений. Полностью модифицированная позиция Москвы по каспийской проблеме была изложена В.Калюжным на международной конференции «Управление освоением каспийской нефти», проходившей в Баку в ноябре 2000 г.

- Каспийское море, не имея естественного соединения с Мировым океаном, представляет собой уникальный внутриконтинентальный водоем, который с международно-правовой точки зрения не может рассматриваться ни как море, ни как озеро. На него не может быть распространено действие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.
- Принцип «делим дно — вода общая» — это ключ к решению проблемы статуса Каспия в целом.
- Модифицированная срединная линия — это не государственная граница. С ее помощью предлагается разделить не территорию, а месторождения и перспективные нефтегазоносные структуры. Модифицированная линия проводится на основе классической, но с отступлениями от нее, с тем чтобы справедливо поделить находящиеся под дном ресурсы. К спорным месторождениям возможно применение принципа «50 на 50».
- Настаивая на сохранении общей воды, Россия в то же время готова к некоторому расширению прибрежных зон, например, зоны таможенного, пограничного и санитарного контроля до 12 миль и рыболовной — до 20 миль.

- Необходимо в приоритетном порядке заключить многосторонние межправительственные соглашения для принятия коллективных мер по защите экологии Каспия, его рыбных ресурсов; скорейшее создание Каспийского центра как межгосударственного органа по мониторингу состояния природной среды этого бассейна.
- Россия не стремится к транспортной монополии в регионе, хотя она и заинтересована в том, чтобы нефть и газ Каспия прокачивались по трубопроводам, проходящим по ее территории. Россия против политизации проблемы трубопроводов⁷

Эти инициативы вызвали интерес у руководства Казахстана и Азербайджана. В октябре 2000 г. между Российской Федерацией и Республикой Казахстан была подписана Декларация о сотрудничестве на Каспийском море, в которой подчеркивалось, что «... в основу консенсусного решения о новом правовом статусе Каспийского моря в качестве одного из его важнейших компонентов целесообразно положить компромиссное предложение о разграничении дна моря между сопредельными и противолежащими государствами по срединной линии, модифицированной по договоренности сторон, в целях осуществления ими суверенных прав на недропользование при сохранении в общем пользовании водного пространства для обеспечения свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды. При этом использование месторождений, через которые пройдет согласованная разграничительная линия, может быть предметом отдельных договоренностей между соответствующими прикаспийскими государствами»⁸.

Активизация политики России на Кавказе, наметившееся потепление в российско-азербайджанских отношениях внесли корректировку в позицию Баку по каспийской проблеме. Руководство Азербайджана приняло решение поддержать принцип раздела дна, что и было отмечено в совместном Заявлении Российской Федерации и Азербайджанской республики о принципах сотрудничества на Каспийском море, подписанном президентами обоих государств в январе 2001 г. В этом документе подчеркивается, что определение правового статуса моря должно проводиться поэтап-

⁷ См.. Дипломатический вестник, №12, 2000. С 20—23.

⁸ Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море. // Дипломатический вестник, №11, 2000.

но на основе срединной линии, модифицированной по договоренности сторон. За каждым из прибрежных государств в образуемом в результате такого раздела секторе будут признаваться исключительные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности на дне⁹.

Необходимо отметить, что с 1993 г. Азербайджан неизменно выступал за полный раздел моря на национальные секторы. Однако за последний год он был вынужден несколько пересмотреть свою позицию по правовому статусу Каспия, так как фактически остался в одиночестве. Первоначально поддерживавшие его Казахстан и Туркменистан заметно дистанцировались. Ослабление поддержки Запада, ухудшение экономического положения в стране, необходимость разрешения конфликта в Нагорном Карабахе подтолкнули Баку к упрочению связей с Москвой, предпринимающей попытки по расширению своего влияния в этом районе и установившей взаимопонимание с Ираном по многим региональным проблемам. Сближению позиций России и Азербайджана по каспийской проблеме во многом способствовала посредническая деятельность руководителей российских нефтегазовых структур, принимающих участие в азербайджанских нефтяных проектах.

Однако если Астана и Баку поддержали предложения Москвы, то Ашхабад отнесся отрицательно к некоторым из них, в том числе к инициативе о спорных точках, считая, что при делимитации ресурсов дна в первую очередь надо определить координаты срединной линии. (Именно определение координат срединной линии стало камнем преткновения на переговорах Азербайджана и Туркменистана относительно спорных нефтяных месторождений.) Кроме того, Туркменистан исходит из того, что четыре государства, образовавшиеся после распада СССР, должны учитывать интересы Ирана и не делить между собой морскую территорию к северу от линии Астара — Гасан-Кули, так как юридически она не считается пограничной. Ашхабад также выразил стремление привлечь ООН к решению проблемы международно-правового статуса Каспия¹⁰, но такое заявление не нашло понимания у других прикаспийских государств. Причем, лидер Туркменистана заявляет, что его страну устраивает как секторальное деление, так

⁹ См.: Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской республики о принципах сотрудничества на Каспийском море. // Дипломатический вестник, №2, 2001. С. 48—49.

¹⁰ См.. Независимая газета. 24.08.2000.

и концепция «общего моря». Понимая, что переговорный процесс может растянуться еще на долгие годы, С.Ниязов в начале 2001 г. выступил с предложением о встрече глав прикаспийских государств для согласования на высшем уровне своих позиций. Принципиальное согласие на участие в саммите выразили все президенты. Хотя на эту встречу делаются большие ставки, сроки ее проведения пока откладываются.

В Иране высоко оценили повышение активности России в переговорном процессе и ее стремление как можно быстрее решить правовые вопросы, но в то же время подвергли критике тактику по достижению двусторонних соглашений относительно делимитации моря. Такая практика, по мнению Тегерана, не может отвечать интересам всех пяти государств, а определение юридического статуса моря должно проводиться консенсусом. Однако, несмотря на несовпадение позиций, МИД ИРИ выразил готовность к продолжению переговоров.

В ходе визита президента Ирана М.Хатами в Москву было подписано совместное Заявление по правовому статусу Каспийского моря, в котором была подчеркнута действенность договоров 1921 и 1940 гг., а также отмечалось, что обе стороны «до усовершенствования правового режима Каспийского моря официально не признают никаких границ на этом море»¹¹. Иными словами, все соглашения и договоренности, заключенные даже на двусторонней основе, будут иметь силу только после их утверждения всеми пятью государствами. Руководитель Ирана вновь подчеркнул, что его страна может согласиться на раздел моря только на основе равных долей (предусматривается возможность передачи в общее пользование своей части воды на основе взаимных соглашений).

В Тегеране ожидали, что встреча лидеров двух государств — исторических пользователей моря — поможет достичь компромисса в вопросе правового статуса. Однако Москва не разделила позицию ИРИ. В иранской печати появились материалы, осуждающие Россию за увливание от активных действий и двойственность ее политики в этом вопросе¹².

В настоящее время Россия, Казахстан и Азербайджан выработали общую позицию по разделу дна. Эксперты России и Ка-

захстана ведут переговоры о координатах, по которым будет проходить разграничение в северной части моря. Договоренность о создании комиссии для определения координат средней линии достигнута и между Россией и Азербайджаном. Однако в соответствии с обязательствами, взятыми на себя Москвой в совместном российско-иранском заявлении, необходимо будет получить согласие остальных прикаспийских государств для реализации двусторонних договоренностей. Представители российского МИДа полагают, что вопрос о равноправном участии всех государств в разделе углеводородных ресурсов дна можно было бы решить через долевое участие нефтяных компаний в разработке месторождений. Этот же принцип следует применять и к спорным месторождениям¹³

Все прикаспийские государства продолжают прилагать усилия для скорейшего урегулирования каспийской проблемы, активизировала свою работу Специальная рабочая группа на уровне заместителей министров иностранных дел, и продолжается подготовка к встрече лидеров всех прикаспийских государств. Тем не менее летом 2001 г. произошло заметное обострение противоречий между Азербайджаном, с одной стороны, и Туркменистаном и Ираном, с другой. Более пяти лет ведущиеся между Баку и Ашхабадом переговоры о трех спорных месторождениях, зашли в тупик. Каждая сторона предлагает свою методику определения координат срединной линии. Хотя косвенным образом представители Азербайджана и подтверждают принадлежность некоторых участков спорной территории Туркменистану, переговорный процесс постоянно затягивается. В этих условиях Ашхабад попытался оказать нажим, используя экономические рычаги, и потребовал срочного погашения Азербайджаном долга за поставленный природный газ.

Практически одновременно возросла напряженность в ирано-азербайджанских отношениях. Тегеран решил расширить свою каспийскую зону. Еще осенью 2000 г. пограничные суда ИРИ попытались снять буи на линии традиционно сложившегося деления иранской и советской части моря, а ныне — границе «азербайджанского сектора». Пограничные знаки были возвращены азербайджанской стороной на свое место. Однако Иран продол-

См.: *Чернявский С.* Проблемы Каспия. // Свободная мысль — XXI, № 12, 2000. С. 33—34.

жал выражать протесты по поводу начала изыскательских работ на месторождениях «Алов» ИЛИ «Альборз», расположенных в пограничной зоне, которые проводились на основании контракта, заключенного Азербайджаном с компаниями Бритиш Петролеум и норвежской Стат Ойл, считая данный район своей территорией. В июле 2001 г. иранские военные суда и самолеты пытались воспрепятствовать работе азербайджанских исследовательских судов. Тегеран, стремящийся расширить свой морской сектор, ссылаясь на договоры 1921 и 1940 гг., декларировавшие общность Каспия, считает, что до выработки правового статуса моря не может осуществляться разработка нефтяных месторождений, особенно на спорных территориях. Не вызывает сомнений, что никакие юридические обоснования не могут стать основой для проведения односторонних силовых акций. Решать проблему можно только мирным путем за столом переговоров, причем как можно быстрее, пока отдельные разногласия не переросли в конфликты и открытую вражду. Дальнейшее экономическое развитие прикаспийских государств, участие их в международных транспортных и инфраструктурных проектах, а соответственно и повышение их геополитической значимости зависит от стабильности и спокойствия в этом районе, обеспечить которые можно лишь на основе мирного и взаимоприемлемого решения всех региональных проблем.

Каспийская проблема пока не находит своего окончательного решения, что отрицательным образом сказывается на развитии регионального сотрудничества. Возможно, что произошедшие инциденты подтолкнули руководителей пяти прикаспийских государств к поискам разумного компромисса.

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Либеральная внешнеполитическая линия Исламской Республики Иран, проводимая с 1997 г. после избрания на пост президента М.Хатами, в последнее время была подвергнута серьезным испытаниям. В 2001 г. Иран по-прежнему активно пропагандировал в своей внешнеполитической доктрине одну из основных инициатив Хатами — «диалог между цивилизациями», объявленную иранским президентом в ходе 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Согласно внесенному иранцами проекту резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, 4 ноября 1998 г. ГА ООН консенсусом приняла резолюцию 5322, провозглашающую 2001 г. Годом ООН, посвященным укреплению диалога между цивилизациями. В этом же ключе в 2001 г. развивались региональная политика ИРИ в рамках ОЭС, политика в отношении Европейского Союза, российско-иранские двусторонние отношения. В то же время недавние тревожные события в различных регионах мира, в том числе непосредственно примыкающих к Ирану (Ближний Восток, Афганистан, Центральная Азия), поставили под удар новую внешнеполитическую концепцию иранского президента. Эскалация насилия и начало перехода к новой системе международной безопасности, ставящей во главу угла борьбу с международным терроризмом и организованной преступностью, заставили по-новому взглянуть на инициативу президента Хатами. В новых условиях, когда столкновение западной и исламской цивилизаций как никогда реально, диалог между цивилизациями может казаться пустой фразой. Но именно в такой решающий момент Иран, неоднократно провозглашаемый США очагом международного терроризма, демонстрирует завидную настойчивость в противоборстве экстремистским силам. Реакция официального Тегерана на происшедшие 11 сентября 2001 г. террористические акты в США была весьма решительной и однозначной: необходимы усилия всего мирового сообщества для борьбы с таким злом, как международный террор и насилие. Эта позиция официального Тегерана была озвучена в заявлениях президента Ирана М. Хатами, мини-

стра иностранных дел К.Харрази и секретаря Высшего Совета Национальной Безопасности М.Роухани, призвавших международное сообщество принять действенные меры по борьбе с терроризмом. Что касается реакции иранских СМИ на террористические акты в США, то если пропрезидентские реформаторские издания уделили основное внимание осуждению терроризма и выражению сочувствия, то позиция консервативных газет заключалась в выявлении ошибочной политики США на международной арене, что привело в итоге к террористическим актам, совершенным 11 сентября 2001 г. Итак, официальный Иран, неоднократно обвиняемый американцами в пособничестве международному терроризму, сам же и осудил его. Иран выразил сочувствие американскому народу в связи с трагедией и привел в полную боевую готовность свои ВС и силы ПВО, опасаясь возможных терактов со стороны талибов.

Таким образом, Хатами в непростой ситуации смог показать гибкость и постоянство внешнеполитической линии ИРИ независимо от изменяющихся международных обстоятельств. В столь напряженной обстановке роль Ирана как одного из ключевых сил в регионе существенно возрастает. США с союзниками как никогда заинтересованы в поддержке их действий на Ближнем и Среднем Востоке со стороны сопредельных с Афганистаном исламских государств, в том числе Ирана. Очевидно, что американцам, начавшим военную операцию в Афганистане, не требуется от Ирана получение технической и материальной поддержки (предоставление военных баз и контингентов ИРИ, финансирование операций и т. д.). Сохранившийся пока статус сверхдержавы позволяет США обходиться без иранской помощи в борьбе с международным терроризмом. Но реакция Ирана как лидера шиитского ислама и одного из крупнейших региональных держав имеет для Вашингтона огромное значение. А эта реакция Ирана на начавшуюся в Афганистане военную операцию США и их союзников является крайне негативной. Причем американцев осудили как консервативные силы во главе с духовным лидером Ирана аятоллой А.Хаменеи, назвавшего действия США в Афганистане «лживой пропагандой», так и реформаторский лагерь во главе с президентом Хатами. Самое удивительное, что столь категоричная позиция Ирана, существенно различающаяся по двум происшедшим событиям (террористические акты в США и военная операция в Афганистане), очень логично вписывается в доктрину

«диалога цивилизаций» Хатами. Было бы ошибочным обвинять иранского президента Хатами в непоследовательной и двуличной политике. Хатами отнюдь не противоречит себе и тем более не идет на поводу у консерваторов, когда, с одной стороны, резко осуждает преступления террористов в США, а с другой — резко возражает против ракетно-бомбовых ударов по Афганистану. Если бы иранский президент действовал не в соответствии с пропагандируемой им внешнеполитической доктриной «диалога цивилизаций», а с позиции «пользования моментом», то конъюнктурные соображения подсказывали бы совершенно иной сценарий его поведения. В таком случае Хатами, осудив теракты, мог иметь прекрасный повод для дальнейшего укрепления своих отношений с Западом и предложить США использовать свое воздушное пространство для войны с талибами, как это сделал Пакистан. Но Иран отказался «ложиться под США», лишив себя тем самым возможных привилегий, в том числе и отказа США от экономических санкций по отношению к этой стране, которые не далее как в августе 2001 г. были продлены еще на 5 лет. Однако Иран избрал другую стратегию и предпочел придерживаться прагматической линии. Официальные власти Ирана, осуждая военную операцию, справедливо отмечают, что в результате боевых действий страдает прежде всего мирное население Афганистана. Они полагают, что американцы преследуют цели не столько борьбы с терроризмом, сколько укрепления своих позиций в данном жизненно важном регионе. Иранцы призывают бороться с международным терроризмом в рамках ООН и с санкций СБ ООН. Кроме того, Иран серьезно озабочен ожидающимся притоком беженцев из Афганистана, особенно в связи с нанесением ракетных ударов по Герату, расположенному в непосредственной близости к ирано-афганской границе.

Таким образом, Иран выступает за борьбу с терроризмом под эгидой ООН и тем самым снимает с себя клеймо государства, обвиняемого в поддержке международного терроризма. В то же время Иран против американского сценария борьбы с терроризмом, предполагающего создание постоянной угрозы мирному населению Афганистана, что грозит послужить началом столкновения исламского и христианского миров. То есть вопреки новым вызовам международной безопасности, внешнеполитическая концепция Ирана показала свою состоятельность. Президент Ирана Мохаммад Хатами, противопоставивший тезису Хантингтона о

столкновениях цивилизаций концепцию «диалога цивилизаций», начал реализовывать свою внешнеполитическую линию сразу же с момента избрания президентом в 1997 г. На практике эта линия выразилась в активизации двустороннего и многостороннего сотрудничества Ирана с государствами и международными организациями. Иран смог выйти из международной изоляции и значительно улучшить свои отношения с Европой, арабскими странами, Россией. Появилась возможность урегулирования ирано-американских отношений. Терроризм как самый серьезный вызов международной безопасности грозил свести на нет либеральную внешнеполитическую линию президента Хатами. В связи с ростом терроризма в регионе многие аналитики предсказывали Ирану откат от «диалога цивилизаций» и возвращение к экстремистской политике, проводимой Ираном в первые годы после исламской революции. Однако этого не происходит — Иран твердо отстаивает свою позицию, он ведет прагматичную и логически обоснованную политику, настроенную прежде всего на диалог, а не на конфронтацию. Таким образом, реакция Ирана на недавние события в США и Афганистане показали, что Иран тверд в своей политике и готов продолжать диалог, в первую очередь, отстаивая свои национальные интересы. Одновременно международные события сентября—октября 2001 г. еще раз подтвердили, что Иран является одним из ключевых государств в регионе Ближнего и Среднего Востока и его геополитическая и стратегическая роль продолжает оставаться существенной. В этой связи с мнением Ирана необходимо считаться, и от его внешнеполитической ориентации многое будет зависеть.

В. Б. Кляшторина

Институт востоковедения РАН

ИРАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Диалог культур, диалог цивилизаций, которому посвящена наша сегодняшняя конференция, в науке (и в частности, в российской иранистике) существовал уже издавна, с тех пор как ученые начали изучать и сравнивать историю, быт и нравы соседних стран Азии. Правда тогда этот диалог существовал в узких рамках научных диспутов и на страницах изданий, доступных избранному кругу читателей и образованных людей. Так было на протяжении XIX и начала XX века. Культурный диалог тогда развивался преимущественно в формах компаративистских исследований.

Сегодня на пороге XXI века, точнее со второй половины XX века, культурный диалог раздвигает свои рамки, вовлекая в обсуждение проблем культуры круги интеллектуалов, политиков, общественных деятелей как азиатского континента, так и Запада. На идеях познания восточных культур в мировой науке выросли известные культурологические школы Шпенглера, Тойнби, определивших изучение культуры Востока XX века.

В Иране, начиная со второй половины XX века обсуждение проблем культурного и исторического прошлого страны неуклонно расширялось и обретало масштабы общенациональной дискуссии. Осмысление культурного наследия и традиций способствовало формированию национального самосознания (ходагахийе мелли) и стимулировало поиск национальной модели развития страны и ее места в регионе и мире.

Концепция исламского пути, утвердившаяся в Иране в результате революции 1979 г., явилась логическим итогом многолетней полемики иранских мыслителей и политиков о будущем устройстве страны: выбрать прозападный (шахский) вариант вестернизации или разработать свою стратегию, исходя из собственных принципов национальной культуры. Страна выбрала второй вариант развития.

В 90-е годы культурная компонента становится уже важной частью внешней политики ИРИ и под ее воздействием постепенно формируется культурно-политическая доктрина страны в регионе. Основные элементы этой доктрины: объединяющая роль языка фарси, классической поэзии на языке фарси, поэзии и философии

суфизма в историческом прошлом и сегодняшнем развитии таких стран, как Индия, Пакистан, Турция, Афганистан, государств Центральной Азии. Иранцы полагают, что именно нормы древней иранской доисламской и исламской культуры (словесности и философии), ее укорененность в истории и сознании народов соседних стран поможет им эффективно интегрироваться в будущую культурно-политическую и экономическую общность сопредельных стран.

Сегодня мы являемся свидетелями нового этапа развития общественной мысли в Иране, когда проблемы традиций, наследия рассматриваются уже с позиции соучастия страны в общемировых процессах. Мы имеем в виду выступления иранских ученых и государственных деятелей последних пяти лет XX века (1996—2001), уже проанализированные в наших работах¹ Иранские ученые исследовали принцип взаимодействия молодых и угасающих близких цивилизаций, когда верх одерживает более сильная культурная традиция, определяющая вектор развития данной общности на будущее². Иранцы сформулировали новые геополитические и правовые позиции страны в современной системе международных отношений, складывающихся на фоне глобализации мировой экономики³ И наконец сегодня президент Мохаммад Хатами сформулировал программу культурного диалога с западным миром на пороге нового тысячелетия. По инициативе М.Хатами 2001 год объявлен ЮНЕСКО Годом диалога цивилизаций. Каковы же основные положения концепции диалога цивилизаций, предложенной М.Хатами? Исходным пунктом начала диалога М.Хатами считает «равенство народов и государств... диалог возможен лишь только тогда, когда каждый из его участников уважает другого и относится к нему как к равному»⁴.

Принцип равенства подразумевает категорическое неприятие навязывания какой-либо страной своей модели поведения всему человечеству. В диалоге «не могут участвовать те, которые считают, что они имеют монополию на Истину»⁵

Призывая мировое сообщество к диалогу цивилизаций, М.Хатами внес существенную поправку в трактовку понятия «диалог».

Кляшторина В.Б. Иран в мировом диалоге культур. // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М., 1999., *Кляшторина В.* Вклад Ирана в развитие мирового диалога культур. // Персия, №3, 2000.

Эхсан Яршатер. В поисках разгадки жизненной силы культуры Хорасана. // Иран-наме, №4, 1997

Пируз Моджахедаде. Ислам и Запад — диалог между культурами и цивилизациями. Лондон, 1996; *Мехди Санаи.* Исламская революция и диалог цивилизаций. // Наука и религия, №11, 2000.

Мохаммад Хатами. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С. 5. Указ. соч. С. 14.

Он выдвинул в качестве главной составляющей не способность говорить, а умение слушать: «Диалог между цивилизациями требует, чтобы слушали и слышали люди других цивилизаций и культур, и выслушать других ничуть не менее важно, чем сказать им что-то свое. Пожалуй, выслушать, может, даже важнее»⁶.

Президент далее излагает концепцию личности в исламе. В разнообразных видах человеческого общения (научном, религиозном, творческом). Хатами отдает предпочтение миру религии и искусства в силу их прямого обращения к человеку: «Библия и Священный Коран постоянно обращаются к человеку, и именно благодаря этому обращению каждый отдельный человеческий индивид возвышается до уровня личности»⁷

Касаясь противоречивой трактовки личности в философии Востока и Запада, М.Хатами предлагает считать восточный и западный взгляд на человека взаимодополняющими, а не противостоящими элементами человеческой природы. По его мнению, антагонизм между индивидуалистическим либерализмом и коллективистским социализмом сильно преувеличен и несуществен. Исламские мистики считают, что человек — это мир в себе, это микрокосмос. Основа его неповторимости проистекает из обращенности к нему божественного призыва, а не из его индивидуалистической или коллективистской сущности⁸.

М.Хатами уверен, что диалог с исламской цивилизацией очень плодотворен для Запада, ибо открывает новые возможности в разрешении общих проблем, стоящих сегодня перед мировым обществом. Он называет эти кризисные проблемы:

- 1) кризис семьи;
- 2) кризис экологический (в отношениях человека и природы);
- 3) кризис этических принципов в мировоззренческой и научной сферах;
- 4) потеря ценностных ориентаций людей.

Много внимания уделяет М.Хатами разъяснению философских терминов и понятий — «традиция», «развитие», «современность». Здесь он как бы продолжает труд своих предшественников, современных иранских философов и ученых, много сделавших в истолковании этих понятий.

У М.Хатами нет безудержного преклонения перед традициями прошлого, что было характерно для большинства религиозных и свет-

⁶ Там же.

Там же. С. 15.

Там же. С. 18.

ских мыслителей Ирана. Более того, он считает эту черту отечественной идеологии важнейшей причиной отсталости иранского общества: «Несовместимость современной цивилизации с нашей цивилизацией, ориентированной на преклонение перед традицией, является одной из самых важных причин кризиса в нашем обществе»⁹

Вот почему критика ключевых понятий современной иранской общественной мысли — таких как «культурное наследие» (мира-се фарханги), «возвращение к себе» (базгашт бе ход), «традиция» (соннат) занимает столь значительное место в концепции М.Хатами о культурном диалоге XXI века. Ибо действенность этой концепции и успех ее осуществления зависит от состояния умов в самом Иране в той же мере, как и за его пределами. Именно поэтому критика М.Хатами в равной степени обращена и к позициям иранских светских интеллектуалов (таких как Але-Ахмад и Али Шариати), и к позициям религиозных ортодоксов-догматиков. Идеалом М.Хатами в этом идейном противостоянии является образ просвещенного религиозного интеллектуала¹⁰.

Концепция диалога культур президента ИРИ и участие иранских идеологов в полемике с Западом выявила новые геополитические и религиозно-философские аспекты иранской общественной мысли на пороге XXI века.

Эти дискуссии создали базу для диалога культур и более того подтвердили мысль о том, что страны с длительной и непрерывной традицией культуры способны к развитию в новых условиях (Япония, Китай, Индия, Иран). Именно они демонстрируют высокую степень готовности к интеграции, готовность решать проблемы глобализации. Они стараются избегать апокалиптических предсказаний о конце света, переводя эти проблемы на поле культуры и решая их путем диалога.

Сам факт, что к миру обратился с посланием руководитель не индустриальной сверхдержавы, а мусульманской страны весьма знаменателен. Этот факт заставляет по-иному взглянуть на историю взаимоотношений Востока и Запада.

В XXI веке на передний план в жизни мирового сообщества выходит культурный фактор. Конкретным подтверждением роли культуры в процессе взаимодействия народов может служить Декларация Глобальной Цивилизации, выработанная представителями 97 стран к Международной Конференции в Сиднее (лето 2001 г.), которая призвана служить гарантом стабильности в мире XXI века. Иранская концепция диалога культур вносит в этот процесс существенный вклад.

⁹ Там же. С. 160.

Там же. С. 230.

ИРАНО-ИНДИЙСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ ДИАЛОГ

Концепция диалога цивилизаций завоевала достаточно прочные позиции как в глобальном масштабе, так и, в частности, на уровне отдельно взятых стран, в том числе в Иране. Она становится одним из действенных факторов современной политики, способствующих созданию стабильного мира и основ для существования народов и их сотрудничества в различных областях. Несомненный интерес представляет и иранская концепция культурного диалога, автором которой является президент ИРИ г-н. Хатами. Он отмечает, что «диалог цивилизаций — это стимул для формирования универсальной модели оздоровления международных отношений, чтобы исключить односторонние подходы и монолог в политике и культуре»¹. И далее, развивая мысль о необходимости подобного диалога, Хатами представляет свое видение перспектив создания нового мира, где бы господствовало взаимное уважение к культуре, цивилизации и духовным традициям разных народов, в том числе и в демократическом соревновании культур². Именно по предложению ИРИ 2001 год назван Генеральной Ассамблеей ООН Годом диалога цивилизаций.

Как правило, под культурным диалогом, прежде всего, подразумевается диалог между западными и восточными цивилизациями. Однако он возможен и между восточными культурами, например, иранской и индийской.

История ирано-индийских культурных связей насчитывает многие столетия. Индию и Иран связывает особый тип отношений. С одной стороны, их соединяют прочные исторические узы, а с другой — религиозная общность. Персидский язык и в целом иранская культура традиционно занимали и занимают прочные позиции в Индии.

В эпохи, предшествовавшие арабскому нашествию персидский соприкасался со многими языками, в том числе с индийскими.

См.. Хатами М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М. 2001. С. 72.

Там же. С. 75—76.

Результатом этого процесса явилось функционирование в современном персидском языке таких слов индийского происхождения, как *бабр* «тигр», *джангал* «лес», *чап* «печатание», *фэлфэл* «перец» и другие³. Индийские языки и, конечно, прежде всего, хинди также впитали в себя исконную персидскую лексику.

Время правления династии Газневидов на территории современной Индии, положившее начало так называемому мусульманскому периоду в истории культуры и идеологии страны, считается исследователями наиболее благоприятным для расцвета фарси и литературы на нем, а также персидской культуры в целом на Индийском полуострове. Фарси при султани Махмуде становится государственным языком его многоплеменной империи, а затем постепенно превращается в один из основных языков общения (*lingua franca*) между народами субконтинента и становится языком одной из богатейших культур мира — индийской⁴.

В период правления Газневидов идет активный процесс взаимодействия культур Индии, Ирана и Средней Азии. В литературных произведениях на фарси, где разрабатывается индийская тематика, появляются слова из санскрита и местных индийских диалектов. Параллельно наблюдается и обратный процесс интенсивного заимствования персидских слов и терминов местными языками. Считается, что к середине XII века литература на фарси, достигшая высокой ступени своего развития, популяризировалась как представителями мусульманских религиозных орденов, так и странствующими поэтами — суфиями, которые наряду с местными диалектами пользовались персидским языком. Вторая половина XVI—XVII века характеризуется тем, что в это время была заложена традиция перевода на фарси с санскрита и других индийских языков таких выдающихся памятников индийской литературы, как всемирно известные «Рамаяна» и «Махабхарата» и другие. Надо сказать, что эта традиция получила развитие и в последующие эпохи. И только в XVIII веке в период правления моголов в поэзии на фарси начал успешно конкурировать урду. Начинается век заката поэзии на фарси. Однако в прозе господствующее положение все еще сохраняется за персидским языком.

³ См.: *Пейсигов Л.С.* Лексикология современного персидского языка. М., 1975. С. 34.

Об этом подробнее см.: *Алиев Г.Ю.* Персоязычная литература Индии. М., 1968.

Конец XVII — начало XIX века — период завоевания Индии Британской империей и, как следствие, время общего упадка национальной культуры и образования. Вместе с тем, несмотря на введение английской системы образования, традиции языка фарси в стране и литературы на нем были достаточно прочны, однако не в такой степени как в прежние века. В XX веке интерес к персидскому языку и персоязычной литературе сохраняется, причем последние десятилетия характеризуются определенным его ростом⁵.

В современной Индии персидский язык и литература изучаются практически во всех крупных учебных заведениях страны. По подсчетам специалистов из 160 индийских университетов в 152 функционируют отделения (кафедры) персидского языка и литературы⁶. Так, например, в существующих более 130 лет университетах Калькутты, Бомбея и Аллахабада функционируют самые первые с точки зрения времени их создания кафедры персидского языка⁷. Очень большая работа по изучению персидского языка и литературы, а также их пропаганде ведется в столице Индии — г. Дели. И здесь главную роль играет Делийский университет. Помимо того, что там функционирует укомплектованная высококвалифицированными специалистами кафедра персидского языка и литературы, при ней создано «Общество персидского языка», способствующее повышению знаний преподавателей и студентов в данной области. Большая роль отводится проводимым в университете конкурсам, посвященным проблемам персидской литературы и в целом иранской культуры⁸. Отделения персидского языка работают и в двух других университетах г. Дели (им. Дж. Неру и Джамия Миллия Исламия), а также в университетах таких крупных штатов, как, например, Панджаб, Кашмир, Раджастан. Кроме того персидский язык преподается и изучается в 100 институтах и школах Индии⁹. Он, а также литература на этом языке являются предметом научных исследований в большинстве из этих учебных заведений. Индийская культура и, ко-

См. там же.

См.. Персидский язык и персидская литература в Индии. Тегеран, 1998 (на персидском языке). С. 195—210.

Об этом см.. Отчет о Первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка. Тегеран, 1997 (на персидском языке). С. 335.

См.. Сохане эшг. № 3, 2000. С. 129—130.

См.: Персидский язык и персидская литература в Индии. С. 195—210.

нечно, индийские языки и литература, хотя и не столь широко, преподаются в Тегеранском университете. Один раз в два года в Дели организуется Международный семинар преподавателей персидского языка. Последний семинар такого рода, двадцать второй по счету, прошел в октябре 2000 года в г. Патиала штата Пенджаб¹⁰. На персидском языке в Дели издается три журнала¹¹. Большую роль в изучении и пропаганде персидского языка, повышении квалификации преподавателей играют курсы персидского языка, работающие в столице Индии. В соответствии с программой культурного сотрудничества между Индией и Ираном происходит постоянный обмен преподавателями и студентами. Важную роль в развитии индо-иранских культурных связей играет Центр иранской культуры в Дели, фестивали иранских фильмов в Индии и участие индийского киноискусства в кинофестивалях в Иране, а также взаимное участие двух стран в международных книжных выставках в Дели и Тегеране.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что на современном этапе диалог иранской и индийской культур имеет большое значение для обеих стран. Вместе с тем, несмотря на все мероприятия, проводимые с целью налаживания ирано-индийского культурного и, в частности, языкового диалога, позиции персидского языка и литературы на нем в Индии, хотя прочны, стабильны и укрепляются, тем не менее, не достигли уровня периода их расцвета на индийской земле во времена правления династии Газневидов. Если же посмотреть на Иран с точки зрения влияния на его культуру индийской культуры, то результаты этого процесса как в прошлом, так и в наши дни достаточно ограничены. Это объясняется многими причинами, в том числе историческими, финансовыми, профессиональными, и придает ирано-индийскому культурному диалогу в определенной степени односторонний характер.

См.: Сохане эшг. № 3, 2000. С. 130.

См.: Персидский язык и персидская литература в Индии. С. 190.

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

(на примерах употребления копулятивных словосочетаний)

В слове, в языке народа, тысячелетиями накапливаются и вечно живут несметные сокровища человеческой мысли и опыта. Язык всегда теснейшим образом связан с национальным духом, с национальной историей и культурой, бытом и трудом народа.

Один из древнейших языков мира, благозвучный, богатый производством слов и метафорическими выражениями, персидский язык некогда служил мерилom образованности.

Аятолла Хаменеи, руководитель иранской революции, на всемирной ассамблее преподавателей персидского языка назвал персидский язык фундаментом национального менталитета и особо подчеркнул, что язык классиков, таких как Фирдоуси, Саади и Хафиз воспринимается как современный персидский язык¹. Отчасти это результат бережного отношения к традициям языка в правильном употреблении слов и образовании новых словосочетаний. Так Саади, в нижеследующих четырех строках создает дважды традиционные копулятивные словосочетания, употребление которых корнями уходит в среднеиранскую языковую эпоху:

Soxan garče **delband-o širin** bovad
sezāvar-e **tasdiq-o tahsin** bovad.
Ču yek bār gofti magu bāz pas
ke halvā ču yek bār xordan bas.

Пусть ты сладкоречив, сердца людей пленил,
И все твои слова достойны лишь похвал,
Но возвращаться к ним не нужно многократно,
Ты пой хвалу лишь раз, а больше — неприятно.

(Саади «Голестан», перевод А. Старостина)

Великий поэт XIII века Саади придает особое значение правильно выбранному слову. Эти вдохновенные строки поэта раскрывают величие и силу слова, его долговечность и благотворность, действенное созидательное начало, заключенное в нем. При этом чтобы определить важность этого процесса, он использует двух-

компонентные свободные копулятивные словосочетания *delband-o širin* ‘прекрасна’ и ‘сладка’ и *tasdiq-o tahsin* ‘одобрение’ и ‘похвала’. Первое словосочетание состоит из синонимической пары *delband* ‘привлекательный’ и *širin* ‘сладкий’, ‘привлекательный’ (по отношению к слову *soxan-e širin* ‘привлекательное слово’), во втором копулятивном словосочетании соединены контекстуальные синонимы *tasdiq-o tahsin* ‘одобрение’ и ‘похвала’.

Свободные копулятивные словосочетания действительно представляют собой особую категорию сочетаний слов. Известно, что в русском языке сочинительные сочетания не считаются словосочетаниями. Исключение здесь составляют сочетания слов типа *отец и мать* (родители), *муж и жена* (супруги), *день и ночь* (сутки). Однако персидский язык насыщен сочинительными словосочетаниями такого типа, и с их употреблением речь становится яркой и выразительной. Подобные конструкции являются широко распространенным стилистическим средством и занимают значительное место в языке классической и современной персидской литературы. Этот стилистический прием, используемый многими иранскими авторами в целях усиления значения и уточнения выражаемого понятия, широко употребляется и в устной речи. Появление копулятивных словосочетаний уходит корнями в среднеиранскую языковую эпоху. Достаточно отметить, что только в «Книге деяний Ардашира сына Папака» (VI в.) такие парные синонимические сочетания, как *spāh ud gund* ‘войска’ (букв. ‘войска’ и ‘отряд’), *čer ud nibardag* ‘воинственный’ (букв. ‘активный’, ‘сильный’ и ‘воинственный’), *mīhr ud došāram* ‘любовь’ (букв. ‘дружба’ и ‘любовь’), встречаются около сорока раз. Использование подобных традиционных формул как свободных копулятивных словосочетаний отмечено также и в других пехлевийских сочинениях².

Искусство создания новых копулятивных словосочетаний и умение использовать их в соответствующем контексте было хорошо известно великим классикам персидской поэзии — Фирдоуси, Саади и Хафизу. Х. Фаршидвард в статье «Выбор слова и словообразование у Фирдоуси» пишет, что «при создании новых слов и словосочетаний следует продолжить лучшие традиции персидских поэтов. Так, великий создатель героического эпоса «Шах-намэ» Фирдоуси, как и другие известные поэты с пристрастием (букв. применил все свое умение и призвание в выборе слова) относился к словосложению и выбору слов, таких как *noubenou* ‘снова и снова’

² Чунакова О.М. Книга деяний Ардашира сына Папака. М., 1987 С. 163

xirexir ‘храбрый, смелый’, *šāx-o yāl* ‘рог’ и ‘грива’, *čamān-o čarān* ‘луг’ и ‘луг’, и одарил персидский язык таким лексическим богатством, что впоследствии широко были использованы другими писателями и поэтами³ В нижеследующем небольшом отрывке из бессмертной эпической поэмы Фирдоуси «Шах-намэ» употреблено два двухкомпонентных копулятивных словосочетания:

Banāhā-ye ābād gardad xarāb
 az **bārān-o tābeš-e āftāb**
 Pey afkandam az nazm kāk i boland
 ke-az **bād-o bārān** nayābad gazand
 Bar in nāme bar omrhā begozarad
 hamixānad ān kas ke dārad xerad

Рассыплются стройных дворцов кирпичи,
 Разрушат их ливни и солнца лучи,
 Но замок, из песен воздвигнутый мной,
 Не тронут ни вихрь, ни грозы, ни зной.
 За веком над книгою век протечет,
 И каждый, кто мудр, эту книгу прочтет.

(Фирдоуси «Шах-намэ», перевод Ц. Бану-Лахуту)

Известный иранский лингвист М. Бахар, рассматривает копулятивы в семантическом аспекте как использование «*motarādefāt* ‘синонимов’». Он отмечает, что «употребление в текстах синонимов берет начало со среднеперсидского языка и, начиная с четвертого века, в речах простого народа, особенно *dar xotabhā va mavāred-e madh* ‘во время молитв и восхвалений’ отмечается нанизывание синонимов»⁴.

Традиции по созданию и употреблению созвучных копулятивных словосочетаний сохраняются в произведениях таких писателей, как Садек Хедаят, Хосров Шахани, Сеид Мохаммад-Али Джамал-заде, Исмаил Фасих и др., и характерно, что в рассказах этих авторов встречаются копулятивы из двух и более компонентов: *xāstehā-vo talāšhā* ‘желания, намерения’ и ‘стремления’, *kuček-o bozorg* ‘мал’ и ‘велик’, *jombojuš-o xoruš* ‘шум, гам’ Часто название рассказов выносится как свободное копулятивное словосочетание: *Talx-o širin* ‘Горькое и сладкое’ (Джамал-заде), *Haq-o nāhaq* ‘Истина и заблуждение’ (Джамал-заде), *Qand-o namak* ‘Сахар и соль’ (Шахри), *Bālārudihā-vo pāyinrudihā* ‘Жители верхнего и нижнего берега реки’ (Х. Шахани).

Эта особая синтаксическая структура состоит из двух и более знаменательных слов, связанных *vāv-e atf* ‘соединительным

Фаршидвард Х. *Dar bāre-ye adabiyāt-o-nagd-e adabi*. Тегеран, 1373, С. 346
 Бахар М. *Sabkšenasi yā tatavvor-e nasr-e fārsi*, т.1. Тегеран, 1337, С. 265

союзом'. Если в словосочетании компонент, стоящий в препозиции, оканчивается на согласную букву, соединительный союз между компонентами произносится как *-o*: *tamiz-o morattab* 'чистый, опрятный, аккуратный' и 'аккуратный', *bozorg-o bihesāb* 'большой' и 'неисчислимый', *sekut-ī tāriki* 'глухомань' (букв. 'тишина' и 'темнота, мрак'), *zur-o fešār* 'давление, насилие' и 'насилие' *hadaf-o maqsud* 'цель' и 'цель' *tašrih-o tahlil* 'объяснение, разъяснение' и 'анализ', *zabt-o sabt* 'регистрация' и 'регистрация', 'запись'; но если первый компонент имеет гласную букву в конце слова, то *vāv* произносится как *vo*: *sāde-vo moxtasar* 'простой' и 'краткий', *mahrumiyyatha-vo mahdudiyyathā* 'лишения' и 'ограничения', *'xāstehā-vo talāshā* 'желания, намерения' и 'стремления', *kāmyābi-vo movaffaqiyyat* 'успех' и 'успех'; но в отдельных случаях допускается чтение *va*. Каждый компонент словосочетания обладает фонетической самостоятельностью, что находит выражение в наличии отдельного ударения и в произнесении второго компонента после небольшой паузы. Такие словосочетания служат строительным материалом для составления предложений. Смысловое и грамматическое единство сочетающихся лексических единиц представляет собой развернутое наименование предметов, явлений, их признаков, отношений реальной действительности.

Анализ собранных примеров показывает, что в копулятивные отношения входят слова на смысловой основе, т.е. связь мотивированная; в этих соединениях отсутствует опорное слово; компоненты принадлежат к одной части речи; каждый компонент имеет собственное лексическое значение; не зависит от своего «компаньона». Употребление копулятивных образований придает речи рифмованное созвучие. Причем можно поменять места компонентов в словосочетании, заменить любой компонент его синонимом или же исключить без ущерба для содержания.

Компоненты копулятивных словосочетаний могут находиться в различных семантических отношениях друг к другу, как правило, **синонимических**: *salmat-o tandorost* 'здоровье и здоровье', *fekr-o zekr* 'помыслы' ('мысль', 'размышление', 'раздумье' и 'упоминание', 'высказывание'), *koloft-o cāq* 'толстый', 'плотный' и 'толстый', 'грузный', или **антонимических**: *sard-o qarm* 'холодный', 'студеный' и 'теплый', 'горячий', 'жаркий', *sangin-o ārāmeš* 'тяжко' и 'спокойно', *bālā-vo pāin* 'верх' и 'низ', *dust-o došman* 'друг' и 'враг', *haq-o nāhaq* 'истина и заблуждение'

Но свободные копулятивные словосочетания образуются в основном двумя и более синонимами, соединенными с союзом *va*

‘и’ Такое сочетание синонимов делает речь живой и образной. Компоненты синонимических копулятивных сочетаний могут быть между собой семантически **тождественными**: *om(m)id-o ār(e)zu* ‘надежда’ и ‘желание’, ‘мечта’, ‘надежда’, *salāmat-o tandorost* ‘здоровье’ и ‘здоровье’, *tafakkor-o andiše* ‘размышление’ и ‘размышление’, *kāmyābi-vo movaffaqiyyat* ‘успех’ и ‘успех’, *saket-o ārām* ‘тихо’, ‘спокойно’ и ‘тихо’, ‘спокойно’, *xeyr-o nik* ‘добрый’, ‘хороший’, ‘благий’ и ‘добрый’, ‘хороший’, ‘славный’, или **близкими по значению**: *sāde-vo moxtasar* ‘простой’ и ‘несложный’, *tars-o larz* ‘испуг’ и ‘содрогание’, *koloft-o cāq* ‘толстый’ и ‘полный’, *alil-o bimār* ‘больной’, ‘хилый’, ‘слабый’

Антонимические отношения наблюдаются в основном в устойчивых копулятивных словосочетаниях: *tārik-o rowšan* ‘сумерки’ (букв. ‘темный’, ‘мрачный’ и ‘светлый’, ‘ясный’), *raft-o āmad* ‘движение’ (букв. основа прошедшего времени глаголов *raftan* ‘идти’, ‘уходить’ и *āmadan* ‘идти’, ‘приходить’). Устойчивое копулятивное словосочетание слов синонимов *obur-o morur* ‘проход’, ‘проезд’ (букв. ‘хождение’, ‘проход’, ‘проезд’ и ‘прохождение’, ‘течение’) интересно с точки зрения фонетической картины, т.к. представляется, что сочетание образовано по закону так называемых «итба» (соединением двух рифмующихся элементов): *ketāb metāb* ‘какие-то книги’, *tār-o mār* ‘разгром’, *xāne māne* ‘какие-то дома, жилища’ В этих словосочетаниях только первый компонент сохраняет свое лексическое значение, а второй является повтором, не имеющим лексического значения, изменившего первую букву на созвучную *m*. А в устойчивом копулятивном словосочетании *obur-o morur* ‘проход’ каждый компонент входит в словосочетание со своим лексическим значением.

Парное объединение может постоянно пополняться за счет новых комбинаций синонимов, поскольку местá компонентов в словосочетании не постоянные.

В большинстве случаев синонимические копулятивные словосочетания состоят из слов арабского и персидского происхождения, что может показаться «переводом одного компонента другим», так как сочетаются слова двух языков, тождественные по значению.

Следует отметить, что судьба персидского языка сложилась необычно с точки зрения проблемы смешанности. В течение двадцати пяти веков он находился в тесном взаимодействии с другими языками. Благодаря легкой проницаемости в него проникло большое количество иноязычных заимствований, которые используются в языке наравне с исконно персидскими словами. Более половины лексического фонда персидского языка составля-

ют арабские заимствования, которые вошли в него либо как новые слова, обозначающие различные понятия из области религии, быта, науки, общественной жизни, либо стали употребляться как эквиваленты-синонимы соответствующих персидских слов. Однако этот большой пласт заимствований не вытеснил и не заменил персидскую лексику, а стал употребляться параллельно с ней, что и могло стать причиной появления парных синонимов. Арабские и персидские слова-синонимы стали часто употребляться в паре, сохраняя каждый в отдельности свое лексическое значение, придавая особую экспрессивность и эмоциональный колорит высказыванию. Как отмечает М.Бахар, арабские синонимы рядом с персидскими наблюдаются уже в древнейших сочинениях на фарси-дари, например в «Абумансуровском» предисловии к «Шахнамэ» (957 г.), в персидском переводе «Истории Табари», выполненном везиром Абу-Али Бал'ами (963 г.)⁵.

Вряд ли нужно особо доказывать, что синонимия в ее разных проявлениях — ценнейшее достояние языка и литературной речи. Писатели, работая над языком своих произведений, придают особое значение выбору слова из синонимического ряда, что делает речь более точной, яркой и эмоциональной. Так, М.Ю.Лермонтов в романе «Герой нашего времени» в предложении: «Его (Печорина. — С.Т.) *запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке*», из двух прилагательных, **запачканные** и **грязные**, выбрал для существительного *перчатки* прилагательное *запачканные*, учитывая стилистические нормы русского языка, где использование одновременно двух синонимов невозможно. Хотя на персидском языке великий поэт, соединив эти два синонима *čerk-o kasif* 'грязный', 'загрязненный' и 'грязный', 'запачканный' в копулятивное словосочетание, украсил бы предложение, не нарушив стилистических норм персидского языка.

В русском языке невозможно употребление в одном предложении таких синонимов, стоящих рядом, как **значение** и **семантика**, **зримый** и **видимый**, **запачканный** и **грязный**, однако в персидском подобные парные соединения придают речи особый колорит и считаются стилистической нормой языка — *mani-vo mafhum* 'значение' и 'семантика', *didani-vo negaristani* 'зримый' и 'видимый', *čerk-o kasif* 'грязный' и 'запачканный'

Важнейшими семантическими функциями синонимов являются замещение и уточнение. Пользуясь разными способами обозна-

⁵ Там же. С. 266.

чения одного и того же предмета, свойства или действия, говорящий (автор) как бы расцветчивает свою речь, делает ее более выразительной, гибкой. Если в русском языке из множества близких по значению слов автор использует то единственное, которое в данном контексте станет наиболее оправданным, в персидском языке они могут фигурировать в виде копулятивных словосочетаний.

Рассмотрим перевод копулятивных словосочетаний с русского языка на персидский на примерах из «Повести о Ходже Насреддине» Соловьева (перевод Ф. Хабиба) и рассказов Чехова «Крыжовник» *Temešk-e tiqdār* (перевод Садек Хедаята, Тегеран, 1932), «Белолобый» *Pišāni sefid* (перевод Азадипура, М., 1973):

Благодаря такой дальновидности указанный мудрец прожил в Дамаске без **потрясений** еще много лет («Повесть о Ходже Насреддине», с. 229). *Hakim-e nāmborde dar natije-ye in durandiši čandin sāl-e digar bedun-e tašviš-o ezterāb dar Dameľg zist* (перевод Ф. Хабиба, с. 4).

В русском тексте существительное **потрясение** переведено на персидский язык в виде свободного копулятивного словосочетания синонимической пары — *tašviš* (букв. ‘беспокойство’, ‘волнение’) и *ezterāb* (букв. ‘беспокойство’, ‘волнение’). Как первый, так и второй компонент являются словами арабского происхождения и относятся к одной и той же части речи.

В персидском языке немало стабильных копулятивных словосочетаний из слов арабского происхождения, находящихся в синонимических отношениях: *tašviš-o ezterāb* ‘беспокойство и волнение’, *fekr-o zekr* ‘мысль и упоминание’, *qam-o qosse* ‘печаль и скорбь’, *tadāvom-o towsee* ‘развитие и расширение’. Очень интересны сочетания слов-синонимов персидского и арабского происхождения, независимо от того, какое из них стоит в препозиции или постпозиции. В таких копулятивных словосочетаниях создается ощущение, что компоненты даются как бы в переводе, так как они тождественны в семантическом плане: *sost-o zaif* ‘немогущий и слабый’, *ārām-o qarār* ‘спокойный и уравновешенный’, *tavān-o say* ‘умение и старание’. Слова-синонимы персидского происхождения также входят в компонентный состав копулятивных словосочетаний: *koloft-o čāq* ‘толстый и полный’, *āh-o nāle* ‘ахи и вопли’, *talāš-o kušēš* ‘хлопоты и старания’. Места компонентов в синонимических парах непостоянные, и обратимость компонентов в словосочетании отличает их от устойчивых словосочетаний и сложных слов.

К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное... («Крыжовник»). *Fekr i ke man az hošbaxti mikardam, hamiše āqešte bā qadr i qam-o anduh mišod...*

В переводе Садек Хедаята русское слово **грустное** выражено свободным копулятивным словосочетанием, состоящим из двух слов-синонимов *qam* и *anduh*. Хотя каждый компонент словосочетания имеет значение **горе, печаль, тоска, скорбь, грусть**, однако вместе они приобретают эмоциональную окраску чеховского контекста. В этом же значении можно встретить такие парные синонимы, как *qam-o qosse*, *nārāhat-o qamgin*, которые могут быть переведены на русский язык как отдельными словами **грусть, печаль, тоска, скорбь**, так и именными словосочетаниями, т.е. существительное с прилагательным — **глубокая печаль, страшная тоска, глубокая скорбь**.

Hu, božij čelovek, rano eše vstavat', dačaj spat' polnym xodom («Белолобый»). *Xob, bande-ye xodā, hanuz zud ast ke boland šavim, be piš barāye yek xāb-e dorost-o hesābi.*

В рассматриваемом примере эквивалентом русского наречного словосочетания **полным ходом**, является копулятивное словосочетание с составляющими компонентами — синонимами: *dorost* и *hesābi* ‘правильный, верный, здравый’ и ‘стоящий’. В этом словосочетании первый компонент — слово персидского, а второй — арабского происхождения. По отношению друг к другу они являются полными синонимами и в персидских толковых словарях определяются один через другой [Моин 1375, с.1354; Амузгар 1374, с. 328]. Этот пример интересен и в грамматическом плане, поскольку русское наречное словосочетание переведено сочетанием двух персидских прилагательных.

Рассмотрим несколько конкретных примеров перевода копулятивных словосочетаний с персидского языка на русский:

Yek xānom ke nazdik-e miz-e u nešaste bud bā howl-o herās pālto-ye xod-rā kenār kešid (Абдолхосейн Нушин). ‘Женщина, которая сидела недалеко от его стола, со **страхом** убрала пальто’

В этом предложении компоненты свободного копулятивного словосочетания *howl* и *herās* являются словами арабского происхождения. Каждый из них может быть переведен любым словом из русского синонимического ряда: **боязнь, страх, тревога**. Однако в переводе лишь одно наиболее экспрессивное слово — **страх** — стало русским эквивалентом этого персидского копулятивного словосочетания синонимов.

Āqā-ye Imāni goft: Say kon az in lahze be bad ān takrār na šavad va dar negahdāri-ye amānat talāš-o kušēš benamāi: (Tasmim-e āxer). ‘Г-н Имани сказал: «Отныне постарайся, чтобы это не повторилось, и приложи **особые усилия** о сохранности чужой вещи (заклада)».

В данном примере синонимы — персидские слова по происхождению *talāš* и *kušēš* ‘усилие, старание, стремление’ составляют копулятивное словосочетание и переводятся на русский язык существительным **усилие**, которое имеет определение, выраженное прилагательным **особые**. Таким образом, свободное копулятивное словосочетание в данном предложении переводится на русский язык именным словосочетанием — существительное и прилагательное, в котором сохранена экспрессивная окраска персидских парных синонимов и не нарушены стилистические нормы русского языка.

Крупный иранский литературовед, поэт и новеллист Садек Хедаят (1903—1951) в 1932 году перевел с большим мастерством рассказ «Крыжовник» («*Tamašk-e tiqdār*»), а затем «Тайный советник» («*Mošāver-e maxsus*») А.П.Чехова, передав всю художественную силу чеховского произведения. Он считал, что «перевод, прежде всего, должен максимально соответствовать оригиналу, нельзя произвольно сокращать текст и делать добавления от себя, за исключением случаев, когда это не искажает смысл, а наоборот, делает его на языке перевода более ясным»⁶. Можно предположить, что автор имел в виду именно копулятивные словосочетания, состоящие из двух и более компонентов, которые были использованы Садек Хедаятом при переводе.

Перевести текст, художественный или политический, изложенный на персидском языке, не потерять форму и содержание, не исказить и сохранить характерные особенности речевой культуры иранцев — задача не простая. Практической задачей перевода являются поиски соотносительных способов выражения содержания подлинника — из состава средств данного языка.

Хотелось бы привлечь внимание к выдержкам из высказываний представителей власти, в речах которых так же активно фигурируют свободные копулятивные словосочетания.

Dard-e bozorg-e man in ast ke eslām-i ke ruz(e)gāri parčamdār-e dāneš-o andiše-vo madaniyyat bude ast, tey-e qarnehā-ye axir

⁶ Комиссаров Д.С. Садек Хедаят жизнь и творчество. М., 1967 С. 120.

dočār-e za'f-o vāpas māndegi šode ast. 'Наше самое большое несчастье заключается в том, что ислам, который некогда был флагманом знаний, мыслей и культуры, в течение последних столетий ослаб' (президент ИРИ Сеид Мохаммад Хатами, 10.12.1997).

В этом предложении контекстуально-синонимический ряд *dāneš-o andīše-vo madaniyyat* 'знаний', 'мыслей' и культуры' выполняет функцию смыслового усиления, выражая тревогу в связи с отдалением мусульманских стран каспийского бассейна от ислама, и одновременно подчеркивает историческое родство между ними. А свободное копулятивное сочетание синонимов *za'f-o vāpas māndegi* 'слабость, бессилие' и 'отставание' — усиливает эту тревогу автора.

Agar be ofoq durtar bengarim va bā tafāhom dar kenār-e yek digar bāšim va barādarāne dast-e yek digar-rā begirim mitavānim nasl-e emruz-o fardā-rā, be suy-e tamaddon-e novin-e eslāmi be harakat dar āvarim. 'Если всмотримся глубже в горизонт, с пониманием отнесемся друг к другу и по-братски поддержим друг друга, мы сумеем привлечь **современную** (букв. 'нынешнюю', 'сегодняшнюю', 'теперешнюю' и 'завтрашнюю') молодежь к новому направлению исламской культуры' (президент ИРИ Сеид Мохаммад Хатами, 10.12.1997).

В данном предложении копулятивное словосочетание *emruz-o fardā* в значении 'современная' (букв. 'сегодняшняя' и 'завтрашняя') украшает высказывание и сохраняет традиционное употребление свободных копулятивных словосочетаний. Надо отметить, что характерной чертой стиля речи президента Сеида Мохаммада Хатами является насыщенность как устойчивыми, так и свободными копулятивными словосочетаниями. Употребление подобных словосочетаний прослеживается и в речах других представителей власти.

Doktor Kamāl Xarrāzi vazir-e omur-e xāreje-ye kešvar-e mātēy-e soxanrani bā xeyr-e moqdam be hāzerān goft: Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān mo'taqed ast ke nezām-e hoquqi-ye jadid-e daryā-ye Xazar bāyad be ettefāq-e ārā va tavassot-e kešvarhā-ye sāheli-ye ān tahiyye-vo tadvin šavad va in kār-e nāfez-o mo'tabar ast. 'Министр иностранных дел нашей страны, доктор Камал Харрази, приветствуя присутствующих, сказал: «Исламская Республика Иран твердо убеждена в том, что новый правовой статус по Каспийскому морю должен решаться (букв. 'подготовиться' и 'кодифицироваться') на основе взаимного согласия, с участием прибреж-

ных стран, и именно такой подход заслуживает доверия» (букв. 'влияние, воздействие' и 'заслуживающий доверия, надежный').

В этом предложении интерес представляет форма приветствия и сочетание контекстуальных синонимов *tahiyye-vo tadvin* 'подготовка' и 'кодификация', *nāfez-o mo'tabar* 'влиятельный', 'имеющий силу' и 'заслуживающий доверия', 'надежный', образующих свободное копулятивное словосочетание. Следует отметить, что речь К.Харрази всегда носит конструктивный характер. Текст излагается четко и конкретно.

Vazir-e ettelāāt marbut be mowzu'e dastgiri-ye jāsushā goft: janjālhā-vo sarosadāhā be hoquq-e mottahemān latme-yi nazad vali seyohunism-e jahāni bā hadaf-e āsib rasāndan be masir-e tahqiq-o barrasi-ye in parvande dast be efsā-e mozu'e dastgiri-ye mottahemān zad. 'Министр внутренних дел относительно ареста шпионов сказал: «Шумиха (букв. 'скандал, гвалт, шум' и 'шумиха, разговоры, толки') не ущемила права обвиняемых, однако международный сионизм с целью нанесения ущерба процессу расследования ('расследование, следствие, судебное разбирательство' и 'изучение, исследование, рассмотрение') этого дела придал огласке их арест»'

В этом примере присутствует свободное копулятивное словосочетание *janjālhā-vo sarosadāhā* 'шумиха'; слова-синонимы — сложные по структуре; каждый компонент в отдельности употреблен во множественном числе, а второй компонент является копулятивным сложным словом; *tahqiq-o barrasi* 'расследование' — синонимы.

Употребление синонимов в копулятивном словосочетании преследует стилистические цели, стремление придать речи большую экспрессивность и эмоциональность, торжественность и красочность. Такие пары синонимов нередко встречаются и в обиходной речи. Например, общепринятое пожелание здоровья на персидском языке выражается следующим образом: *salāmati-vo tandorosti-ye šomā rā ārezu mikonam*, что в буквальном переводе звучит, как 'желаю вам здоровья и здоровья'. В этом предложении первый компонент словосочетания *salāmati* 'здоровье' — арабского происхождения, а второй компонент *tandorosti* 'здоровье' — персидского происхождения. Эти два слова являются абсолютными синонимами и в копулятивном словосочетании не выражают какого-либо нового понятия, отличного от их лексического значения. Наоборот, семантически равноправные слова-си-

нонимы усиливают значение, повышают выразительность речи, придавая особый эмоционально-чувственный колорит высказыванию, и в переводе можно сказать — ‘желаю вам **крепкого (большого) здоровья**’. Или *šab-e xeyr-o nik dāšte bāšid* ‘желаю вам доброго вечера’ (букв. ‘добрый, хороший, благой’ и ‘хороший, добрый, славный’).

Как показывают примеры, свободные копулятивные словосочетания широко используются не только в литературе, политических статьях и устной речи, но и в речах религиозных деятелей⁷. Среди двучленных копулятивных конструкций наблюдаются процессы лексикализации — *pedar-o mādar* ‘родители’ (букв. ‘отец’ и ‘мать’), *šab-o ruz* ‘сутки’ (букв. ‘ночь’ и ‘день’), *zan-o bačče* ‘семья’ (букв. ‘жена’ и ‘дитя’) и фразеологизации — *gorg-o miš* ‘сумерки’ (букв. ‘волк’ и ‘овца’), *nāz-o niyāz* ‘игривый разговор’ (‘кокетство’ и ‘обещание’), *rang-o bu* ‘привлекательность’ (букв. ‘цвет’ и ‘запах’), в результате чего они превращаются из свободных синтаксических единств соответственно в слово и в устойчивые словосочетания. Естественно, что такой процесс проходит исторический путь, и в современном персидском языке наряду со свободными копулятивными словосочетаниями много копулятивных сложных слов и копулятивных устойчивых словосочетаний.

Как видно из изложенного, свободные копулятивные словосочетания являются специфическим явлением персидского синтаксиса. Отсутствие их аналогов в русском языке создает трудности в восприятии, употреблении и переводе. Главная проблема видится в том, что копулятивные словосочетания, которые играют важную роль в синтаксической и стилистической организации персидского текста, остаются вне поля зрения при обучении персидскому языку. Хотя этот вид сочетания двух и более слов имеет особое значение в организации контекста, где каждый компонент сочинительного словосочетания, являясь самостоятельной лексической единицей, усиливает или дополняет значение другого.

Языковая подготовка в современных условиях ориентируется на когнитивный подход в обучении. Это предполагает опору на активное мышление обучаемого, управление познавательным процессом, развитие умения грамотно структурировать текст. Такой подход соотносится с усвоением и применением коммуникативной

⁷ Талыбова С.Э. Культура и стиль речи аятоллы Хомейни. // Сб. материалов международного конгресса, посвященного столетию со дня рождения имама Хомейни. М., 9—10.3. 2000. С. 129.

выми силами. В числе законов, вызвавших серьезные разногласия между течениями, были «Закон о городских землях», «Закон о труде», «Закон о производственной кооперации» и т.п. Многие из «левых» заявляли, что правые традиционалисты, противодействуя принятию законов в пользу малоимущих слоев общества, тем самым поддерживают торговцев и процветающих капиталистов. 1988 год явился годом, когда эти разногласия между течениями по экономическим вопросам достигли своего апогея. Тогда часть левых сил в «Организации борющегося духовенства Тегерана» (Джамейе руханийат-е мобарезе Техран), вышли из Организации и создали «Ассамблею борющегося духовенства». Создание этой организации было одобрено Хомейни, так как одним из ее членов стал его сын Ахмад Хомейни. Раскол «Организации борющегося духовенства Тегерана» означал фактический раскол «Партии исламской республики», и она в 1987 г. была распущена¹.

«Ассамблея борющегося духовенства» подобно «Организации борющегося духовенства Тегерана» состоит из слоя тех религиозных деятелей, которые еще до исламской революции участвовали в политической борьбе. Поэтому «Ассамблея борющегося духовенства» естественно вошла в число организаций, находящихся на вершине пирамиды политической власти. Симпатии к этой организации и ее целям проявляют различные слои общества. Из тех, кто с начала и до сих пор поддерживал и поддерживает эту партию, кроме некоторой части духовенства, можно назвать профессуру и студентов вузов, учителей, рабочих и религиозные слои народа.

Эта группировка считает себя религиозной организацией и потому партией себя не называет. Все основатели этой организации происходят из одного и того же социального слоя — из духовенства. Несмотря на это, организация имеет своих сторонников во всех слоях общества. Ее сторонниками являются также часть духовенства и учащиеся учебных центров Кума и Мешхеда, хотя, конечно, значительная их часть поддерживает позицию «Организации борющегося духовенства Тегерана».

После победы члена «Ассамблеи борющегося духовенства» кандидата в президенты Мохаммада Хатами 23 мая 1997 г. эта организация стала создавать относительно стабильные подразделения в большинстве крупных шахрестанов и значительно усилила свою активность. Однако и сейчас она официально не называется партией и не проводит приема в свои члены. Основная де-

тельность «Ассамблеи борющегося духовенства» состоит в поддержке связи с мечетями, пятничными имамами и ваъэзами различных городов, которые поддерживают эту организацию. Газеты «Афтабе йазд» («Божественное светило»), «Салам» являются выразителями позиций этой организации.

«Ассамблея борющегося духовенства» вместе с другими группировками, поддерживавшими кандидатуру Мохаммада Хатами на президентских выборах, 23 мая 1997 г. удалось создать крупную коалицию под названием «23 мая» («2 хордада»), в которую входили следующие партии и группировки:

- ◆ «Ассамблея борющегося духовенства»,
- ◆ фракция «Хезболла» в меджлисе,
- ◆ партия «Сторонники линии Имама»,
- ◆ Исламская коллегия женщин,
- ◆ «Исламская партия труда»,
- ◆ партия «Фронт соучастия Исламского Ирана»,
- ◆ «Дом рабочих Исламской республики Иран»,
- ◆ «Организация моджахедов Исламской революции»,
- ◆ партия «Прорабов созидания Ирана» (Каргозаран),
- ◆ «Штаб укрепления единства»,
- ◆ «Исламское общество врачей Ирана»,
- ◆ «Исламское общество вузовских преподавателей богословия»,
- ◆ «Исламское общество школьных преподавателей Ирана»,
- ◆ «Исламское общество руководителей и специалистов промышленных предприятий и экономических учреждений»,
- ◆ партия «Солидарность Исламского Ирана».

К следующим президентским выборам (2001 г.) структура сил, поддержавших кандидатуру М. Хатами изменилась, так как изменилась внутривнутриполитическая и экономическая ситуация в стране накануне выборов². Из коалиции 1997 г. ушли прежде всего «Хезболла» и «Сторонники линии Имама», которые присоединились к «Организации борющегося духовенства Тегерана», то есть к «правому» крылу. Это — еще один наглядный пример условности деления политических организаций Ирана на «правых» и «левых». Одной из важнейших причин и размежевания в конце 1990-х — начале 2000-х гг. станет как раз концепция «диалога цивилизаций» М. Хатами, их расхождения по вопросам отношения к США и израильско-палестинской проблеме.

См. статью Н.М. Мамедовой в настоящем сборнике.

«Ассамблея борющегося духовенства» была не только «левым» крылом, но в начале своей деятельности пользовалась известностью как радикальная. Но теперь мало кто из политологов употребляет по отношению к ней термин «радикальная», и даже термин «левая», особенно с экономической точки зрения. С самого начала своей деятельности эта организация выступала в числе критиков правых сил внутри самой структуры Исламской Республики Иран, но никогда не выходила за рамки существующего строя. Сейчас общепринято называть эту организацию левыми реформаторами. Некоторые же, подразделяя левое крыло на две группировки, левых традиционалистов и левых модернистов, «Ассамблею борющегося духовенства» отводят место в рамках левых традиционалистов.

Если говорить о политических позициях, то «Ассамблея борющегося духовенства» и близкие к ней группировки подчеркивают республиканский и исламский характер строя Исламской Республики Иран, указывая, что исламский характер вытекает из республиканского в том смысле, что сам народ путем выборов определил свою судьбу и для управления обществом избрал государственные принципы ислама. Строй исламской республики является республиканским, поскольку участие народа в управлении официально зафиксировано в Конституции, а исламским потому, что является отражением воли народа, пожелавшего, чтобы исламские ценности и правила главенствовали между людьми.

Политическую структуру исламской власти эта организация не считает ограниченной религиозными формами. Она верит в цели и критерии религии и в то же время выступает за необходимость деятельности различных политических партий. Лидеры «Ассамблеи борющегося духовенства», заявляют: «Появление политических партий в политической жизни страны приведет к еще большему укреплению роли меджлиса, сделает более серьезными выборы, еще более укрепит республиканский строй. Сильные партии в качестве систем контроля создают важную преграду на пути всякого рода нарушений и способствуют возникновению здоровой конкуренции между ними». Эта организация считает, что Конституцией предусмотрено создание партий, и поэтому она является сторонником существования партий и их реальной деятельности.

«Ассамблея борющегося духовенства» убеждена в том, что политическая стабильность, укрепление и расширение религиозной обоснованности строя приведут в результате к сохранению независимости Ирана, несмотря на предоставление права критики, свободы слова и свободы политической деятельности в рамках Конс-

титуции. Эта организация подчеркивает также, что ислам не противоречит и не противопоставляет себя демократии, являя собой учение, в котором заложены основы свободы, и потому ислам может обогащать себя демократией в качестве модели поведения. Организация считает, что идеи ислама и идеи демократии являются весьма оптимальными моделями управления обществом.

Таким образом, налицо стремление придать политическому процессу в Иране характер, не противоречащий общемировым принципам государственной демократии. Это стало одним из составных элементов концепции М. Хатами, целью которой является не противопоставление Ирана западному миру, а установление взаимопонимания и уважения, освоение тех ценностей, которые выработаны всем человечеством.

Изменились радикально и экономические взгляды членов этой организации. В самом начале ее создания они были сторонниками закрытой государственной экономики, противостоящей влиянию капитализма и рыночной экономики, причем настолько, что одним из основных пунктов разногласий этой организации с «Организацией борющегося духовенства Тегерана» был именно экономический. «Ассамблея борющегося духовенства» поддерживала в экономике левацкие позиции в противоположность «Организации борющегося духовенства», которая в 80-ые — начале 90-х годов. больше поддерживала свободную экономику и частный сектор. Главнейшими лозунгами «Ассамблеи борющегося духовенства» были лозунги достижения социальной справедливости, борьбы с нищетой и установление правления «ислама босоногих» в противоположность «исламу капиталистическому»³. Эта организация всегда призывала к постоянной борьбе бедных против богатых и стимулировала народную экономику в кооперативной форме. Именно поэтому в 1997 г. ее поддержали некоторые из партий — сторонников активного вмешательства духовенства в экономическую жизнь, надеясь затормозить ход экономических реформ, начатых правительством Рафсанджани.

Но придя к власти, М. Хатами продолжил курс на дальнейшую либерализацию экономики. И этот курс также укладывается в рамки концепции «диалога цивилизаций», так как может способствовать более тесному взаимодействию с мировым рынком, реализуя свой экспортный потенциал и получая необходимые для развития инвестиции и технологии.

³ *Ходжат Мортаджа*. Политические крылья в сегодняшнем Иране. Тегеран, 1378. С. 110—115

ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИРАНА В РОССИИ ДЛЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

(к вопросу о диалоге цивилизаций)

Оставляя в стороне многовековые связи России с Ираном (и когда она была монархией, и когда стала Советской Россией, и когда составляла сердцевину СССР), равно как и оставляя в стороне 60-е — 70-е годы истекшего века, давших блестящие образцы экономического и технического сотрудничества СССР с Ираном, обратимся ко времени, когда после антишахской, антиимпериалистической народной революции 1978—1979 гг., приведшей к свержению монархии Пехлеви, в Иране сложился исламский режим, нашедший свое юридическое воплощение в исламской республике, основополагающей религиозно-правовой, а стало быть, и политической основой которого стал принцип *веляйте факих* (правление мусульманского богослова-правоведа).

Российская (тогда советская) иранистика сделала объектом своего изучения по горячим следам как сам ход революционных событий, итоги этой борьбы, так и формирование Исламской Республики. Об этом свидетельствует множество статей и книг, которые стали появляться в свет уже весной 1979 г.

К десятилетию Иранской революции 1978—1979 гг. и образования Исламской Республики Иран сектор Ирана Института востоковедения Академии наук СССР выпустил коллективную монографию «Иранская революция 1978—1979. Причины и уроки» (М., 1989). В этом комплексном исследовании дан анализ экономических, социальных, идеологических, культурологических и политических причин революции, описан ход самой революции, а также изложены события послереволюционного периода. Показан глубоко противоречивый характер процессов, происходивших на различных этапах формирования исламского режима, даны оценки сущности и политики этого режима и наиболее важных событий исследуемого периода.

Как факт в истории иранистики (будь то советской или российской) само наличие указанной монографии является прекрасной предпосылкой для диалога между иранистами — исследователя-

ми обеих стран. Указанный выше комплексный характер монографии дает более чем достаточное основание для того, чтобы диалог этот велся на цивилизованном уровне.

К сожалению, в настоящее время это невозможно, ни в связи с указанной монографией, ни в связи с какими-либо другими монографиями, сборниками и статьями, написанными российскими иранистами и посвященными Исламской Республике Иран.

Причина в том, что работы российских иранистов не становятся объектом изучения и научно-критического анализа со стороны иранских ученых — историков, экономистов, политологов, культурологов, хотя такое изучение и, соответственно, обмен мнениями и суждениями был бы полезен российским иранистам и, нужно полагать, не был бы лишен пользы для ученых Исламской Республики Иран.

Описанный выше своеобразный вакуум для нас, российских иранистов, в какой-то мере восполняется тем, что мы как исследователи испытываем чувство глубокого удовлетворения от того, что положительные изменения, которые происходили и происходят, особенно с начала 90-х годов, в исламском режиме ИРИ, в принципе свидетельствовали и свидетельствуют о справедливости критических суждений, высказанных в исследованиях российских иранистов.

Исторически прогрессивное эволюционирование исламского режима ИРИ в 90-е годы происходило, можно сказать, на виду у всех российских иранистов. Оно было недавно признано даже официальным лицом.

Что имеется в виду?

В подготовленном по инициативе Посольства ИРИ в России сборнике «Иранистика в России и иранисты» (М., 2001), изданном по просьбе и при финансовой поддержке Посольства, имеется текст выступления второго секретаря Посольства на заседании круглого стола, которое предшествовало изданию сборника, господина Али Акбара Джоукара. В нем, в частности, сказано: «В настоящее время мир является свидетелем постепенных реформ в рамках религиозной власти и конституции» (с. 16—17). Это очень ценное признание.

Но, увы, оно оказалось омраченным предельно претенциозным, высказанным перед этим признанием, суждением, которое является прямым следствием того, что работы российских иранистов до сих пор не стали объектом научно-критического анали-

за со стороны иранских ученых: «... слабые места в изучении Ирана стали особенно ясны после Исламской Революции, когда иранское общество не освещалось в России достойным образом, и в результате было проведено мало исследований в этой сфере, либо из-за использования неверных источников был проведен ошибочный анализ» (с. 16).

Приведенное выше мнение, лишенное компетентности, еще одно свидетельство того, насколько необходим диалог цивилизаций, проведенный на уровне, обеспечивающем его научность.

Одновременно являясь и оценкой, это мнение носит настолько безответственный характер, что, безусловно, требует широкого и предметного обоснования, чтобы претендовать на серьезность и объективность.

Суждение г-на Джоукара, не подкрепленное какими-либо ссылками и анализом соответствующих ирановедческих работ, выглядит скорее политической оценкой советской и российской иранистики, чем мнением знатока соответствующих ирановедческих работ, на которое, судя по сделанному замечанию, претендует его автор.

SUMMARY

The year 2001 was announced by the Organization of United Nations the year of the dialogue between civilizations. One of the initiators of it was president Mohammad Khatami whose name is connected with «Iranian perestroika». It was Khatami who announced that the dialogue between civilizations is a necessary condition of existence of the modern world in his inauguration speech when he was first elected a president in 1997. Khatami's victory at the presidential elections of 2001 reflected the desire of the majority of Iranians to continue the going reforms, to build a legal state, to rise its tolerance, to build relations with the world community in the spirit of the «dialogue of between civilizations».

In April 2001 a scientific conference «Iran: the dialogue of civilizations» was held in the Institute of Oriental Studies and it caused great scientific and practical interest. The essence of the conception of the dialogue of civilizations, estimation of its realization in the modern world, attitude to this conception in Iran: were the main problems discussed at this conference. The place of this conception in the real policy of the Islamic republic of Iran: economical, internal, foreign, cultural — especially in its relations with Russia — was paid special attention.

Different opinions on the causes of the appearance of this conception and the degree of its immanence to the system of power existing in Iran were expressed. They were supported by the analysis of the modern state of life in Iran and by examples from history. There was given a very deep and thorough analysis of the evolution of views of different political groups on the problems of relations of Iran with the world community, on the correlation of internal and external factors, on the correlation of religious and cultural aspects in the development of Iran. Lectures delivered at this conference formed the main contents of this collection of articles. Events of the 11th of September 2001 are a test of the opinions on «the dialogue of the civilizations» stated by the scientists and on the strategy of the ruling circles of Iran in forming a new paradigm of relations with world community on the basis of a comprehensive dialogue. Articles are mainly published as they were submitted by the authors. Though some of the opinions do not coincide with the official point of view they can be useful and interesting to the official and practical organizations of Iran and Russia.

This collection of articles was published due to the financial support of the cultural representatives of the Islamic republic of Iran.

CONTENCE

Sanai M. «The dialogue of civilizations» from theory to practice.

Mamedova N. Political and economical aspect of the dialogue of civilizations.

Tzukanov V. The currency policy of IRI.

Druzilovsky S. The world community and Irans new concept of foreign policy.

Kulagina L. The dialogue of civilizations and Irans foreign policy.

Arunova M. Russia and Iran the continuation of the dialogue — 2000-2001.

Sazin V. The dialogue of civilizations between Iran and Russia: the state and peculiarities.

Dunaeva E. Kaspian diplomacy of Moscow.

Vartanian A. The dialogue of civilizations as the mean of struggle against terrorism.

Klyashtorina V. Iranian concept of the dialogue of cultures: political and cultural aspects.

Kameneva M. Irano-Indian dialogue of languages.

Talibova S. Preservation of traditions in the Persian language.

Arabajian A. The importance of Iranian studies in Russia for IRI (to the problem of the dialogue of civilizations).